ОИК

Эд. БЕРНШТЕЙНЪ.

Рабочій интернаціоналъ и европейская война.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

Ф. А. Б.



ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА".
1919.

Эд. БЕРНШТЕЙНЪ.

Рабочій интернаціоналъ и европейская война.

Переводъ съ нѣмецкаго
Ф. А. Б.

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„НАУКА“.
1919.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ОТДѢЛЬНОМУ ИЗДАНІЮ.

Статья, составляющая содержаніе этой брошюры, взята изъ второй тетради, посвященной войнѣ, журнала „Архивъ соціальной науки и соціальной политики". Уступая просьбамъ и съ любезнаго позволенія издателя архива, г. проф. Эдгара Яффе, я опубликовываю ее въ этомъ видѣ.

При этомъ я сознаю, что она никоимъ образомъ не можетъ претендовать на исчерпывающее изложеніе предмета. Въ главной своей части написанная нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, она могла только суммарно коснуться новѣйшихъ явленій въ соціалистическомъ интернаціоналѣ. Только бѣглыя замѣчанія могли быть посвящены столь важному профессіональному движенію, своеобразіе и широкое развѣтвленіе котораго потребовало бы особаго изслѣдованія. Предлагаемая статья имѣетъ своей цѣлью показать позиціи политическихъ частей рабочаго интернаціонала въ настоящую войну и вліяніе послѣдней на отношенія ихъ между собой. Я стремился возможно нагляднѣе показать, какъ и въ какомъ свѣтѣ должна была представляться соціалистамъ различныхъ странъ война и поводъ къ ней въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ и различіями во мнѣніяхъ объяснить особенности позицій соціалистическихъ партій и группъ главнѣйшихъ странъ. Съ этой точки зрѣнія и слѣдуетъ оцѣнивать эту статью.

Берлинъ—Шенебергъ, 23-го февраля 1915 г.

ЭД. БЕРНШТЕЙНЪ.

29-го іюля 1914 г. въ Брюсселѣ, въ пленарномъ засѣданіи интернаціональнаго соціалистическаго Бюро, обсуждался вопросъ, долженъ ли интернаціональный соціалистическій конгрессъ, назначенный на августъ мѣсяцъ въ Вѣнѣ и ставшій невозможнымъ въ силу военныхъ дѣйствій, все же состояться и гдѣ. Одиннадцать странъ, среди нихъ, кромѣ Австріи, всѣ великія державы, были представлены делегатами отъ соціалистическихъ партійныхъ правленій, самыми уважаемыми лидерами интернаціональной соціалъ-демократіи. По предложенію предсѣдателя германской соціалъ-демократіи, Гуго Гаазе, единогласно было постановлено созвать конгрессъ на 9-ое, вмѣсто 23-го, августа, въ Парижѣ. Единогласно принятое рѣшеніе вмѣстѣ съ тѣмъ приглашало рабочихъ всѣхъ странъ бороться съ неослабной энергіей путемъ демонстрацій съ грозящей вспыхнуть міровой войной. Вечеромъ того же дня состоялось въ королевскомъ циркѣ многолюднѣйшее собраніе, на которомъ Гуго Гаазе (Германія), Киръ Гарди (Великобританія), Жанъ Жоресъ (Франція), Моргари (Италія), Рубановичъ (Россія) и Трульстра (Голландія) въ рѣчахъ, принятыхъ бурными аплодисментами, возвѣстили о единодушномъ и твердомъ рѣшеніи соціалистическаго интернаціонала Европы воспрепятствовать возникновенію міровой войны всѣми имѣющимися въ ихъ распоряженіи средствами.

Не прошло и недѣли, какъ вспыхнула міровая война. Шесть европейскихъ державъ,—Англія, Франція, Россія и Сербія, съ одной стороны, Германія и Австро-Венгрія, съ другой,—были вовлечены въ войну. И какъ разъ въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ соціалъ-демократія всего сильнѣе представлена въ парламентахъ, а именно, въ Германіи и Франціи, соціалистическія фракціи голосовали за ассигнованіе правительствамъ средствъ, необходимыхъ для веденія войны; въ Австріи же онѣ были лишены возможности заставить правительство заручиться съ самаго начала согласіемъ народнаго представительства.

Противорѣчіе между рѣшеніями 29-го іюля и фактами суровой дѣйствительности чрезвычайно облегчало сдѣлать выводъ о моральномъ банкротствѣ рабочаго интернаціонала; это и было сдѣлано. Въ глазахъ широкой публики интернаціоналъ оказался совершенно безсильнымъ играть роль рѣшающаго фактора въ великихъ вопросахъ міровой поли-

тики; мирная же программа его, вслѣдствіе отношенія къ ней самихъ вождей, была объявлена ничѣмъ инымъ, какъ красивой мечтой, лишенной всякой реальности. Что же касается друзей международнаго мира, то едва ли кто будетъ отрицать, что для нихъ, возлагавшихъ всѣ свои надежды преимущественно на волю къ миру рабочаго интернаціонала, дѣйствительность 4—6 августа была жестокимъ разочарованіемъ. Именно въ силу этого члены интернаціонала должны отдать себѣ точный и ясный отчетъ о его моральной и матеріальной силѣ. Имъ то прежде всего и надлежитъ изслѣдовать и объяснить, почему ихъ великая организація оказалась безсильной, въ силу ли необходимости, или въ силу какихъ либо упущеній, и сдѣлать выводы изъ опыта роковой недѣли и послѣдующихъ событій. Хулителямъ же интернаціонала можно было бы, конечно, съ полнымъ правомъ крикнуть: vos quoque et vos etiam pejus—въ равной, даже въ большей степени, и вы оказались безсильными. Располагая всѣми аттрибутами власти, профессіональные блюстители европейскаго мира сдѣлали ничуть не болѣе, чѣмъ рабочія организаціи, средства которыхъ сравнительно съ средствами первыхъ еще чрезвычайно скромны. Но оставимъ пока взаимное сведеніе счетовъ—для него еще не наступило время. Во всякомъ случаѣ для соціалъ-демократіи никогда не лишне посмотрѣть, какъ обстояли и обстоятъ дѣла въ ея собственномъ домѣ; у нея имѣются всѣ данныя, чтобы на основаніи пережитаго опыта опредѣлить свою силу и рѣшить вопросъ: дѣйствительно ли она оказалась на высотѣ своихъ силъ и способностей.

1. НЕДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ МАССОВОЙ СТАЧКИ ПРОТИВЪ ВОЙНЫ.

Что можетъ сдѣлать рабочій классъ, организованный въ соціалдемократическую партію, чтобы уничтожить войны? Будучи повсюду въ парламентахъ въ меньшинствѣ, соціалъ-демократія могла бы выполнить эту задачу только при содѣйствіи внѣпарламентскихъ выступленій, и мы знаемъ, какого рода выступленія имѣлись въ виду у многихъ соціалистовъ. На національныхъ и интернаціональныхъ конгрессахъ довольно часто обсуждался вопросъ: нельзя ли при помощи массовой стачки уничтожить войны между народами. Значительное большинство германской соціалъ-демократіи всегда въ этомъ сомнѣвалось. На всѣхъ интернаціональныхъ конгрессахъ ея представители всегда высказывались противъ такихъ рѣшеній, которыя лозунгомъ выставляли массовую стачку. И едва ли будетъ преувеличено, если сказать, что идея массовой стачки уже опровергнута опытомъ. Дѣйствительность показала, что война создаетъ во всѣхъ странахъ со-

временнаго уровня развитія такія условія, при которыхъ для массоваго стачечнаго движенія, достаточно мощнаго для предотвращенія ея, не имѣется ни экономическихъ, ни психологическихъ предпосылокъ. Настоящая война была полной неожиданностью для народовъ. Однако, ей все же предшествовали недѣли промышленнаго угнетенія и растущей безработицы, недѣли, во время которыхъ съ каждымъ днемъ становилось все очевиднѣе невозможность путемъ забастовки добиться желаемыхъ политическихъ результатовъ. Къ тому же политическія событія, обычно тенденціозно изображаемыя буржуазной прессой, все болѣе и болѣе пробуждали національныя страсти у вообще индиферентныхъ слоевъ населенія, чувства которыхъ проявляются гораздо непосредственнѣе, нежели тѣ переживанія соціалистическаго рабочаго класса, которыя лежатъ въ основѣ его мирныхъ тенденцій. То, что при обычныхъ условіяхъ является элементомъ особенной силы соціалистически мыслящаго пролетаріата, при подобной ситуаціи можетъ стать элементомъ его слабости; его объективный голосъ заглушается ревомъ націоналистически настроенной толпы, позади которой стоитъ вся несоціалистическая пресса. Въ критическій моментъ пролетаріатъ утрачиваетъ вѣру въ свое соціальное значеніе, видитъ себя сразу изолированнымъ въ большей степени, чѣмъ онъ полагалъ это ранѣе и чѣмъ это, быть можетъ, соотвѣтствуетъ дѣйствительности. И когда политическая ситуація завершается объявленіемъ войны, другимъ парализующимъ его самосознаніе моментомъ является полное отсутствіе свободныхъ отъ тенденцій информацій о событіяхъ въ тѣхъ странахъ, съ которыми его собственная страна находится въ состояніи войны. Судить о причинахъ войны, а также и о томъ, наступательная ли она или оборонительная, становится трудно, а вмѣстѣ съ тѣмъ, отпадаетъ и возможность быстраго рѣшенія вопроса, не будетъ ли стачка, направленная противъ войны, фактически стачкой противъ собственной страны, находящейся въ состояніи законной обороны. Все это создаетъ настроенія, уже сами по себѣ достаточныя для того, чтобы сдѣлать при наступленіи войны невозможной всеобщую стачку. Къ тому же нужно принять въ соображеніе и то обстоятельство, что съ объявленіемъ военнаго положенія военныя власти въ состояніи подавить силой или угрозой тяжелыми наказаніями всякую попытку пропаганды и организаціи стачки, направленной противъ войны. Между тѣмъ изъ выше упомянутыхъ основаній ясно, что у рабочихъ организацій въ такіе дни имѣются совершенно другія заботы, нежели устройство массовой стачки. Имъ необходимо устроить и поддержать уже имѣющуюся массу безработныхъ; естественно, что имъ не приходитъ въ голову приглашать къ забастовкѣ тѣхъ, кто еще имѣетъ работу. Только дикія

организаціи, не заботящіяся о своихъ безработныхъ, могли бы это предпринять, но въ силу ничтожнаго числа своихъ членовъ онѣ не могутъ разсчитывать на откликъ у широкихъ массъ.

Дажѣ въ тѣхъ воюющихъ странахъ, гдѣ рабочіе имѣютъ прекрасныя и сильныя профессіональныя организаціи, никому не приходила мысль сдѣлать серьезную попытку въ этомъ направленіи. Но если даже допустить возможность такихъ условій, при которыхъ народный гнѣвъ противъ войны, начатой правительствомъ, вылился бы въ стачку, то и тогда все же придется признать, что опытъ первой недѣли августа 1914 г. со всей убѣдительностью доказалъ полную неосуществимость идеи борьбы съ войной путемъ массовой стачки въ той ея формѣ, въ какой она защищалась на интернаціональныхъ соціалистическихъ конгрессахъ въ Штутгартѣ, Копенгагенѣ и другихъ городахъ. Поэтому на будущихъ рабочихъ конгрессахъ она должна быть вычеркнута изъ числа программныхъ пунктовъ, подлежащихъ обсужденію.

2. ПОСТАНОВЛЕНІЯ ИНТЕРНАЦІОНАЛЬНЫХЪ СОЦІАЛИСТИЧЕСКИХЪ КОНГРЕССОВЪ ПО ВОПРОСУ ОБЪ ОТНОШЕНІИ КЪ ВОЙНѢ.

Прежде чѣмь перейти къ разсмотрѣнію дѣятельности парламентскихъ соціалистовъ, слѣдуетъ выяснить, каковы тѣ обязанности, которыя возлагаются интернаціональными соціалистическими конгрессами на парламентскихъ представителей соціалъ-демократіи въ случаѣ войны и какъ онѣ должны быть ими выполнены.

Этимъ вопросомъ интернаціональная соціалъ-демократія занималась на различныхъ конгрессахъ. Просматривая принятыя по этому вопросу постановленія, мы наталкиваемся прежде всего на тотъ фактъ, что ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ прямого указанія, непосредственно относящагося къ голосованію кредитовъ на предстоящую или уже возникнувшую войну. Такое умолчаніе вполнѣ понятно, и можно было бы прибавить, вполнѣ разумно. Война можетъ возникнуть при столь разнообразно сложившейся обстановкѣ и столь различныхъ условіяхъ, что по вопросу объ отношеніи къ ней чрезвычайно трудно и невозможно вынести такого рѣшенія, которое было бы обязательнымъ для всѣхъ случаевъ. Все-таки въ резолюціи о международномъ мирѣ, милитаризмѣ и постоянномъ войскѣ, принятой на интернаціональномъ соціалистическомъ конгрессѣ въ 1900 г. въ Парижѣ, въ пунктѣ 2-мъ, говорится, что конгрессъ считаетъ „цѣлесообразнымъ средствомъ осуществленія принципа, положеннаго въ основаніе ея, обязанность соціалистическихъ пред-

ставителей всѣхъ парламентовъ голосовать безусловно противъ всякихъ издержекъ на милитаризмъ, маринизмъ и колоніальныя экспедиціи".

Но милитаризмъ и маринизмъ—абстрактныя понятія, подъ которымъ можно подразумѣвать весьма различныя вещи. Французскій текстъ выраженъ конкректнѣе, онъ говоритъ, что „соціалистическіе депутаты обязаны голосовать противъ всякихъ военныхъ издержекъ и всякихъ издержекъ на флотъ и военныя колоніальныя экспедиціи".

Таковъ же и англійскій текстъ. Изъ всѣхъ этихъ резолюцій не трудно было бы сдѣлать выводъ, что соціалистическіе депутаты также и при возникновеніи войны должны голосовать противъ всѣхъ издержекъ на войско и флотъ.

Ясно, что тогда все зависѣло бы отъ того или другого толкованія, тѣмъ болѣе, что и резолюція говоритъ дальше, что подобное обязательство лишь рекомендуется, но отнюдь не предписывается. Гораздо опредѣленнѣе штутгартская резолюція 1907 г:

„Если война грозитъ вспыхнуть, рабочіе и ихъ парламентскіе представители, совмѣстно съ Интернаціональнымъ Социалистическимъ Бюро, должны воспрепятствовать наступленію ея всѣми средствами, которыя они считаютъ наиболѣе дѣйствительными; естественно, что эти послѣднія измѣняются въ зависимости отъ обостренія классовой борьбы и обостренія всеобщей политической ситуаціи.

Если война все же наступитъ, тогда обязанность каждаго бороться за ея скорѣйшее окончаніе и всѣми силами стремиться использовать вызванный войной экономическій и политическій кризисъ въ цѣляхъ пробужденія народа и борьбы съ господствомъ капитала".

Конгрессъ въ Копенгагенѣ 1910 г. подтвердилъ и дополнилъ эту резолюцію слѣдующимъ указаніемъ Интернаціональному Соціалистическому Бюро:

„Для проведенія этихъ мѣропріятій конгрессъ постановляетъ: Интернаціональное Соціалистическое Бюро, въ случаѣ грозящей опасности войны, немедленно предпринимаетъ необходимые шаги для достиженія между рабочими партіями угрожаемыхъ странъ полнаго соглашенія по вопросу объ единообразномъ выступленіи съ цѣлями предупрежденія ея.

Въ тѣхъ же случаяхъ, когда конфликтъ грозитъ захватить нѣсколько странъ, и если при этомъ національныя партіи, запрашивавшія совѣта у Бюро, запоздаютъ или будутъ колебаться въ вынесеніи своего рѣшенія, тогда секретарь Интернаціональнаго Соціалистическаго Бюро, по требованію пролетаріата по меньшей мѣрѣ одной страны, со-

зываетъ Инт. Соц. Бюро и междупарламентскую соціалистическую комиссію, которыя немедленно собираются въ Брюсселѣ или другомъ мѣстѣ, которое будетъ признано наиболѣе подходящимъ при создавшихся обстоятельствахъ.

Интернаціональное Соціалистическое Бюро содержится на средства соціалистическихъ партій, посылающихъ своихъ представителей на соціалистическіе конгрессы. Оно засѣдало въ Брюсселѣ, который, въ силу своего географическаго положенія и какъ столица нейтральной двуязычной Бельгіи, разсматривался наиболѣе подходящимъ мѣстомъ для пребыванія тамъ Центральнаго органа. Представители бельгійской рабочей партіи образовали при этомъ Бюро свой дѣловой комитетъ; постояннымъ секретаремъ Бюро былъ Камиллъ Гюисмансъ, а также три другихъ члена Комитета: Эд. Анселе, Луи Бертранъ и Эмиль Вандервельде, соціалистическій депутатъ бельгійскаго парламента. До послѣдняго времени Бюро во всѣхъ отношеніяхъ проявляло себя превосходно; на этотъ же разъ, наканунѣ войны, только ему было суждено выполнить выпавшую на его долю задачу. Мы уже упоминали о его засѣданіи 29 іюля и принятомъ на немъ рѣшеніи. Въ тотъ день въ соціалистическихъ кругахъ все еще сильна была надежда, что міровая война можетъ быть предотвращена путемъ манифестацій и выступленія рабочаго класса, единодушнаго въ этомъ отношеніи. Отнюдь не представляли себѣ возможности вторженія войскъ воюющей державы въ нейтральную Бельгію и что это вторженіе заставитъ послѣднюю принять участіе въ войнѣ.

Объ этой возможности не заикались даже мимоходомъ. Война съ самаго начала уничтожила нейтралитетъ Бельгіи, что было жесточайшимъ ударомъ по Интернаціональному Соціалистическому Бюро не только въ отношеніи его практической дѣятельности. Люди не могутъ раздваиваться, а такъ какъ члены дѣлового комитета Бюро были вмѣстѣ съ тѣмъ и членами бельгійской палаты депутатовъ, то вполнѣ естественно, что забота о защитѣ Бельгіи отъ вторженія и продвиженія нѣмцевъ должна была всецѣло владѣть ихъ умомъ и чувствомъ. Какъ народные представители, они были единодушны въ томъ, что Бельгія не можетъ согласиться на предъявленное нѣмцами требованіе свободнаго пропуска своихъ войскъ во Францію и что она не можетъ удовлетвориться, подобно Люксембургу, голымъ формальнымъ протестомъ, но должна оказать сопротивленіе. Это не значитъ, что съ самаго начала они стали на сторону Франціи. Не надо также забывать, что согласіе бельгійцевъ на требованіе нѣмцевъ было бы равносильно добровольному нарушенію нейтралитета самой Бельгіей и враждебному акту въ отношеніи Франціи. Ибо съ стратегической точки зрѣнія,

безпрепятственный пропускъ нѣмецкой арміи черезъ Бельгію во Францію означалъ бы причиненіе Франціи значительно большаго вреда, нежели отказъ въ пропускѣ Германіи. Внѣшняя сила вызвала у бельгійскихъ членовъ Интернаціональнаго Соціалистическаго Бюро такой душевный конфликтъ, подъ вліяніемъ котораго, при создававшемся положеніи вещей, они врядъ-ли могли поступить иначе, чѣмъ они поступили. А то, что они такимъ образомъ на продолжительное время изъ нейтральныхъ превратились въ воюющихъ, и, въ силу своего темперамента, въ страстно воюющихъ, въ этомъ упрекнуть ихъ можетъ только тотъ, кто не способенъ понять душевнаго состоянія народа, страна котораго порабощается могущественнымъ сосѣдомъ. При такихъ условіяхъ, также и по личнымъ мотивамъ, они не могли уже удовлетворительно функціонировать въ качествѣ К-та Интернаціональнаго Соціалистическаго Бюро, и, конечно, самымъ лучшимъ было бы, съ момента вовлеченія Бельгіи въ войну, временно перенести мѣстопребываніе Комитета въ какую-нибудь нейтральную страну и поручить тамошнимъ соціалистамъ временно принять на себя обязанности по выполненію задачъ Комитета и Секретаріата. Но кто же могъ сдѣлать подобное распоряженіе, когда соціалисты главнѣйшихъ странъ внезапно очутились въ двухъ враждебныхъ лагеряхъ и были лишены всякой возможности непосредственно вступать въ сношенія другъ съ другомъ.

3. ИНТЕРНАЦ. СОЦ.-ДЕМ. И РУССКО-АВСТРО-СЕРБСКІЙ КОНФЛИКТЪ.

Какъ ни плохо было прекращеніе дѣятельности Комитета и Секретаріата Инт. С. Бюро, все же это было не самымъ худшимъ слѣдствіемъ войны для духовной связи рабочаго Интернаціонала.

Значительно худшимъ было то, что соц. партіи по ту и по сю сторону сразу были лишены возможности столковаться другъ съ другомъ объ отношеніи къ событіямъ и ихъ оцѣнкѣ. Для современныхъ буржуазныхъ партій война не представляетъ психологической проблемы. Разъ война наступила, для нихъ всѣхъ люди враждебной страны „враги“. Недостаточно того, что арміи стремятся причинить матеріально другъ другу наибольшій вредъ, нѣтъ, надо еще морально унизить другъ друга въ глазахъ другихъ народовъ. За противникомъ не признаютъ даже права защищать свое дѣло. Выставляютъ себя хранителями культуры, а вмѣстѣ съ тѣмъ величайшему благу современной культуры—взаимному сближенію и объединенію націй—наносятъ не только соціально-эко-

номическія, но еще и духовныя раны. Быть варваромъ въ классическомъ значеніи слова по отношенію къ людямъ другой страны—означаетъ быть истиннымъ патріотомъ.

У рабочихъ партій это происходитъ не такъ легко. Съ момента вовлеченія ихъ страны въ войну онѣ видятъ себя поставленными передъ двойной задачей: защитить свою страну отъ насилія и расчлененія, и охранить культурныя цѣнности, которыя общи у нихъ не только съ рабочими, но и другими носителями великихъ цѣлей человѣчества враждебнаго лагеря. Имъ не такъ то легко объявить „врагами" людей, плечо къ плечу съ которыми онѣ боролись за эти цѣли въ теченіе многихъ десятилѣтій, только потому, что ихъ страны стремятся оружіемъ разрѣшить тѣ или иные экономическіе вопросы. Отсюда у нихъ потребность понять поведеніе своихъ противниковъ; поэтому прекращеніе возможности говорить другъ съ другомъ по крайней мѣрѣ посредствомъ прессы ощущается ими какъ тяжелое испытаніе. Вѣдь было время, напримѣръ, у насъ, въ Германіи, когда можно было читать только изуродованныя и приспособленныя ad usum Delphini выдержки изъ соціалъ-демократическихъ газетныхъ и журнальныхъ статей тѣхъ странъ, съ которыми Германія находилась въ состояніи войны, оставаясь въ полномъ невѣдѣніи относительно точнаго содержанія ихъ. Такія выдержки дѣлали разногласія между соціалистами одной страны и соціалистами другой значительно большими, чѣмъ они были на самомъ дѣлѣ.

Въ наше время событія совершаются вообще быстро, въ военное же время они совершаются съ колоссальной быстротой, тѣмъ болѣе въ настоящую войну, когда болѣе трехъ четвертей Европы находятся подъ ружьемъ, когда обѣ великія державы средней Европы ведутъ борьбу съ отсталымъ государствомъ царя и двумя прогрессивнѣйшими націями Запада. Если взять теперь номеръ приличной либеральной буржуазной газеты одной изъ воюющихъ странъ и сравнить его съ номеромъ той же самой газеты, напр., отъ 20 іюля 1914 г., то получится впечатлѣніе, что послѣдній принадлежитъ къ другому вѣку, къ другому міру. Такъ велико различіе въ языкѣ и оцѣнкѣ международныхъ отношеній. Какъ будто люди выпили четвертаго августа цѣлый гектолитръ воды изъ Леты и все забыли, что говорили и писали о томъ же 20 іюля 1914 г. Такъ было за малыми исключеніями въ Германіи, такъ и окажется, вѣроятно, и въ большинствѣ воюющихъ странъ. Чтобы понять точку зрѣнія, которая опредѣлила позицію соціалистовъ различныхъ странъ при возникновеніи войны, нужно вернуться къ тѣмъ днямъ, которые предшествовали войнѣ, и вспомнить тогдашнее настроеніе соціалистическаго міра.

Каково же было тогда настроеніе? Австрійская нота Сербіи и немедленное объявленіе войны ей въ тотъ моментъ,

когда она, не соглашаясь безоговорочно на всѣ австрійскія требованія, предложила два изъ нихъ и именно тѣ, которыя угрожали ея государственной самостоятельности, подвергнуть дальнѣйшему обсужденію или передать на рѣшеніе гаагскаго мирнаго трибунала, вызвали возмущенные протесты какъ со стороны с.-д., такъ и со стороны буржуазной демократіи внѣ Германіи и Австро-Венгріи. Языкъ германскихъ и австрійскихъ соц.-дем. былъ значительно рѣзче въ оцѣнкѣ австрійской политики, чѣмъ языкъ соціалистовъ тѣхъ странъ, съ которыми Германія и Австрія находятся въ состояніи войны. Такъ на предъявленіе Сербіи австрійскаго ультиматума партійное правленіе германской соціалъ-демократіи отвѣтило слѣдующимъ призывомъ, который сначала появился въ отдѣльномъ изданіи Форвертса отъ 25 іюля, а день спустя былъ опубликованъ во всей соціалъ-демократической прессѣ Германіи на самомъ видномъ мѣстѣ. [Воспроизводя его, мы сохраняемъ курсивъ оригинала].

„Еще стелется кровавый туманъ по полямъ Балканъ; еще дымятся развалины разрушенныхъ городовъ, опустошенныхъ деревень, еще бродятъ по странѣ массы голодныхъ и безработныхъ людей, вдовъ, сиротъ, а уже фуріи войны, развязанныя австрійскимъ имперіализмомъ, снова готовятся нести *смерть и опустошеніе* всей Европѣ.

Если мы осуждаемъ происки велико-сербскихъ націоналистовъ, то еще болѣе рѣзкій протестъ вызываетъ въ насъ легкомысленная *провокація войны со стороны австро-венгерскаго правительства*. Во всей міровой исторіи нельзя найти примѣра столь грубыхъ требованій, предъявленныхъ самостоятельному государству; они разсчитаны лишь на то, чтобы *провоцировать войну*.

Во имя человѣчности и культуры сознательный пролетаріатъ Германіи заявляетъ рѣшительный протестъ противъ преступнаго натравливанія военной камарильи. Онъ повелительно требуетъ отъ германскаго правительства, чтобы оно употребило все своевліяніе на австрійское правительство съ цѣлью сохраненія мира, а если позорная война не можетъ быть предотвращена, чтобы оно воздержалось отъ всякаго военнаго вмѣшательства. *Ни одна капля крови нѣмецкаго солдата не должна быть принесена въ жертву тщеславныхъ австрійскихъ властителей и жадныхъ имперіалистическихъ эксплоататоровъ*.

Товарищи, мы зовемъ васъ на массовыя собранія, чтобъ заявить на нихъ *непоколебимую волю къ миру сознательнаго пролетаріата*. Послѣдній часъ наступилъ, промедленіе чревато опасностями. Угрожаетъ міровая война. Господствующіе классы, зажимавшіе вамъ ротъ

въ мирное время, презирающие и эксплоатирующие васъ, стремятся использовать васъ какъ пушечное мясо. Повсюду должно крикнуть власть имущимъ:

Мы не хотимъ войны. Долой войну.

Да здравствуетъ международное братство.

Партійное правленіе.

Въ отвѣтъ на этотъ призывъ во всѣхъ городахъ Германіи произошли собранія протеста, на которыхъ браторы говорили еще рѣзче, чѣмъ вышеприведенное заявленіе. Повсюду образъ дѣйствія Австріи вызывалъ сильнѣйшее осужденіе. Соціалъ-демократическая пресса была полна рѣзкихъ обвиненій политической системы Австро-Венгріи. Повсюду повторяли высказанное партійнымъ правленіемъ требованіе, чтобы имперское правительство употребило все свое вліяніе для предотвращенія войны.

Сравнительно съ этимъ можно было бы назвать умѣренной статью Жореса, помѣщенную въ „Humanite" 29 іюля, когда Австрія объявила войну Сербіи.

„Оффиціальное объявленіе Австріей войны Сербіи нельзя оправдать. Австрія утверждаетъ, что Сербія не выполнила всѣхъ требованій, предъявленныхъ ей въ нотѣ. Скорѣй нужно удивляться тому, что Сербія въ дѣлѣ уступокъ пошла значительно дальше, чѣмъ можно было ожидать. Если она и совершила—что очень вѣроятно—величайшія глупости, то она и искупила ихъ готовностью дать Австріи широчайшее удовлетвореніе, на которое она рѣшилась съ такимъ героическимъ мужествомъ. Нѣтъ оправданія войнѣ. Имманентная справедливость—не пустое слово. Въ свое время она дастъ себя почувствовать монархіи, она покажетъ ей, что человѣчество стоитъ передъ альтернативой: или быть пассивнымъ зрителемъ безчестнаго злоупотребленія силой или, развязавъ міровую войну, искать въ ней средствъ покончить со всѣми совершенными до сихъ поръ несправедливостями. Что касается императорской Германіи, то она не сможетъ защитить себя отъ упрека въ томъ, что она толкнула Австрію на этотъ отвратительный путь".

Органъ Англійской рабочей партіи „Daily Citijen" высказался болѣе или менѣе объективно объ объявленіи войны Австріей. Въ номерѣ отъ 27 іюля онъ писалъ:

„Ужасное бѣдствіе, подобно кровожадному звѣрю, тихо и незамѣтно подкравшись, обрушилось на насъ. Мы рѣшительно считаемъ Австрію нападающей стороной. Споръ съ Сербіей начинается не со вчерашняго дня, не съ преступленія въ Сараево. Этотъ конфликтъ порожденъ расовыми и территоріальными вопросами. Въ безсмысленномъ убійствѣ

эрцгерцога, Австрія нашла долгожданный поводъ. Безъ всякаго намека на какое-нибудь судебное разбирательство, Австрія объявила Сербію и сербскихъ офицеровъ виновными. Въ процессѣ объ убійствѣ она хочетъ быть одновременно и судьей и присяжными засѣдателями и палачемъ. Фактически она сказала слабѣйшему государству: мы судили тебя и признали виновнымъ. Никакихъ заявленій, никакихъ опроверженій, никакихъ оправданій. Мы требуемъ, чтобъ ты признало свое преступленіе и понесло тягчайшее и унизительное наказаніе. Попытка заставить силой штыковъ признать недоказанныя обвиненія не можетъ не быть осуждена всѣмъ цивилизованнымъ міромъ."

Рѣзче высказался „Peuple", органъ Бельгійской Рабочей Партіи. „Австріи нуженъ мракъ, чтобы свершить свое черное дѣло, писалъ онъ 31 іюля, когда военныя дѣйствія уже начались. Достовѣрно мы еще не знаемъ, куда и съ какой цѣлью стягиваются войска. Но къ сожалѣнію мы знаемъ, что война продолжается и что серьезнѣйшая попытка Англіи ограничить или положить ей конецъ осталась безрезультатной. Предложеніе созвать конференцію, исходящее отъ четырехъ непосредственно не заинтересованныхъ въ конфликтѣ державъ, и охотно принятое въ Парижѣ и Римѣ, въ Берлинѣ было вѣжливо, но рѣшительно отклонено. Должны ли мы послѣ этого оставить всякую надежду?"

Въ дальнѣйшемъ статья старается выяснить возможность ослабленія войны въ силу отвращенія къ ней славянъ и соціалистическихъ рабочихъ Австріи и заканчиваетъ горькимъ замѣчаніемъ:

„Францъ Іосифъ оканчиваетъ свое царствованіе поистинѣ дурнымъ дѣломъ. Кто знаетъ, не есть ли оно вмѣстѣ съ тѣмъ и дурное безнадежное предпріятіе?"

Въ другомъ мѣстѣ газета характеризуетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ воззваніе Франца Іосифа къ народамъ Австріи:

„Старческая немощность, недобросовѣстность, ложь".

„Къ чести человѣчества мы сомнѣваемся въ здравомъ умѣ того, кто написалъ эти строки и кто не боится продолжать ужасную бойню".

Въ тѣ дни австрійская соціалдемократія уже не располагала обычной свободой дѣйствій. Было объявлено военное положеніе, которое достаточно характеризуется упомянутымъ уже фактомъ, что правительство, начиная войну, не считало нужнымъ хотя бы на день созвать рейхсратъ. Партія вынуждалась къ большей сдержанности еще и тѣмъ, что какъ въ самой Сербіи, такъ и въ Австріи, сербами ве-

лась агитація противъ Австріи, а сербскія газеты приняли крайне вызывающій тонъ. Все же это не помѣшало ей выступить съ рѣшительнымъ протестомъ противъ войны.

Депутаты нѣмецкой фракціи соціалдемократовъ рейхсрата, послѣ ознакомленія съ содержаніемъ австрійскаго ультиматума, выпустили воззваніе, въ которомъ, осудивъ характеръ великосербской агитаціи и признавъ, что Сербія обязана дать удовлетвореніе Австріи, они заявляютъ:

„Мы убѣждены, что сербское правительство не могло и не было бы въ состояніи противиться тѣмъ австро-венгерскимъ требованіямъ, которыя санкціонированы международнымъ правомъ. Мы убѣждены также, что все, что необходимо Австріи въ интересахъ охраны ея государственности, она должна была и могла бы добиться мирнымъ путемъ, и что никакая государственная необходимость и никакія соображенія сохраненія своего престижа не вынуждаютъ великую державу сойти съ пути мирнаго соглашенія. Поэтому отъ имени рабочихъ классовъ и какъ представители австрійскихъ нѣмецкихъ рабочихъ мы заявляемъ, что **не беремъ на себя отвѣтственности за эту войну**, что за нее и порождаемыя ею ужасныя послѣдствія отвѣтственность падаетъ на тѣхъ, кто рѣшается сдѣлать этотъ роковой шагъ, ставящій насъ передъ войной, кто обдумалъ и содѣйствовалъ ей.

Подписавшіе это заявленіе тѣмъ болѣе вынуждены были его сдѣлать, что въ теченіе многихъ мѣсяцевъ народы Австріи были лишены трибуны, съ которой они могли бы возвѣстить свою волю.

„Ввиду опасности войны, требующей жертвъ кровью и имуществомъ, **планомѣрное насиліе надъ народной волей**, выражающееся въ роспускѣ парламента, является фактомъ озлобляющимъ и раздражающимъ... Мы протестуемъ противъ правительственной системы, не уважающей гарантированныхъ правъ народа, мы протестуемъ противъ такихъ правительственныхъ дѣйствій, которыя вызываютъ въ націяхъ негодованіе, а народъ ввергаютъ въ отчаяніе“. Воззваніе заканчивается:

„Народъ лишенъ возможности рѣшать о войнѣ и мирѣ. Парламентъ, посредствомъ котораго онъ говоритъ и поступаетъ, нѣмъ. Политическая свобода собраній и печати скована. Въ сознаніи рокового момента пусть прозвучитъ еще разъ наше предостереженіе:

Миръ—драгоцѣннѣйшее благо людей,
Величайшая потребность народовъ.

Мы снимаемъ съ себя всякую отвѣтственность за эту войну, мы возлагаемъ ее на тѣхъ, кто, по ту и по сю сторону, замыслилъ и развязалъ ее. Мы

единодушны съ сознательными рабочими всего міра, не въ меньшей мѣрѣ съ соціалдемократами Сербіи, и мы торжественно обѣщаемъ быть вѣрными просвѣтительной работѣ интернаціональнаго соціализма.

Если бы мы пожелали сдѣлать обзоръ всѣхъ странъ всюду мы нашли бы одно и то же: страстный протестъ противъ войны и признаніе Австріи главной зачинщицей ея. Соціалисты всѣхъ странъ были согласны въ этомъ. Но вотъ выступленіе Россіи въ защиту своего протеже, Сербіи, совершенно спутало казавшуюся до этихъ поръ такой простой постановку вопроса. То, что Россія требовала для Сербіи, почти совпадало съ требованіями Рабочаго Интернаціонала. Россія, какъ извѣстно, признавала, что Сербія должна дать Австріи удовлетвореніе и гарантію своихъ добрососѣдскихъ отношеній, но не допускала, чтобъ Сербія была задавлена, или чтобы ей, какъ самостоятельному государству, былъ причиненъ ущербъ. Но если двое требуютъ одного и того же, то это не всегда одно и то же. Не слѣдуетъ отрицать, что въ выступленіи Россіи играло немаловажную роль и сочувствіе къ родственной Сербіи, издавна считавшей Петербургъ своимъ покровителемъ. Но главнымъ рѣшающимъ моментомъ для Россіи было то соображеніе, что образъ дѣйствія Австріи угрожалъ какъ престижу, такъ и ея могуществу на Балканахъ. Съ другой стороны, если даже разсматривать этотъ образъ дѣйствія Австріи какъ результатъ ея отсталыхъ военныхъ традицій, то все же у Россіи было основаніе считать его мѣрой, при помощи которой Австрія желаетъ возстановить свое положеніе, утраченное ею благодаря двумъ балканскимъ войнамъ и крушенію албанскаго государства, созданнаго ей въ угоду. Такимъ образомъ, австро-сербскій конфликтъ неизбѣжно превращался въ австро-русскій, а выступленіе въ пользу Сербіи отнынѣ означало выступленіе за Россію.

А что должно было означать это для соціалдемократіи Германіи, объ этомъ врядъ-ли нужно говорить. Ея великіе учителя, Марксъ и Энгельсъ, какъ и первые ея вожди, Бебель и Либкнехтъ, оставили ей, такъ сказать, въ наслѣдство, смертельную вражду къ царской Россіи. Правда, съ того времени, когда Марксъ и Энгельсъ выставляли борьбу съ Россіей руководящимъ мотивомъ иностранной политики соціалдемократіи многое измѣнилось въ предпосылкахъ, имѣвшихъ для нея рѣшающее значеніе. Напримѣръ, самъ Энгельсъ неоднократно писалъ, что съ момента вступленія Россіи на путь конституціонализма и т. д. она уже не будетъ представлять такой опасности для политическаго и соціальнаго развитія сосѣднихъ народовъ и средней Европы, какой она была какъ доменъ бюрократически-абсолютистскаго царизма. Какъ ни медленно развивался въ культурномъ отношеніи русскій

колоссъ, все же и онъ шелъ впередъ. Однако, на пути этому стоитъ то обстоятельство, что, будучи полуконституціоннымъ государствомъ—а дальше этого Россія не пошла—русская имперія остается еще военнымъ государствомъ, и что тѣ общественные слои, которые, благодаря конституціонализму, получили доступъ къ управленію страной, не даютъ гарантіи, что иностранная политика не будетъ въ той же мѣрѣ проникнута имперіализмомъ, какой была политика стараго абсолютистскаго режима. Но даже и тотъ соціалдемократъ, который допускаетъ, что и политическое наслѣдство великихъ борцовъ подвержено вліянію времени, не можетъ не разсматривать Россіи, которая держитъ въ оковахъ Польшу, лишаетъ правъ Финляндію, политически и экономически угнетаетъ 5 милліоновъ евреевъ,—какъ такую государственную организацію, которая „достойна погибнуть". Какъ скоро стало извѣстно, что Россія мобилизовала войска, чтобы въ подходящій моментъ выступить противъ Австріи и какъ скоро дѣлалось все очевиднѣе, что русско-австрійская война превратится въ русско-нѣмецкую—рѣшеніе зависѣло уже не отъ того, объективно справедливо ли требованіе Россіи въ отношеніи Сербіи или нѣтъ. Предъ нѣмецкой соціалдемократіей во весь ростъ вставалъ вопросъ, можно ли въ интересахъ Сербіи допустить вторженіе русскихъ войскъ въ Германію и побѣду надъ ней Россіи и ея союзниковъ. До тѣхъ поръ, пока еще тлѣла искра надежды на предотвращеніе военной опасности дипломатическимъ путемъ, соціалъ-демократія выступала за такое рѣшеніе конфликта, она требовала, чтобы Германія употребила все свое вліяніе, чтобы заставить Австрію быть умѣреннѣе въ своихъ требованіяхъ. 30 іюля „Форвертсъ" писалъ, что начало враждебныхъ дѣйствій со стороны Австріи грозитъ опасностью мірового пожара: „Что же дѣлать для предотвращенія этого величайшаго культурнаго позора, этого ужаснѣйшаго исхода?

Англія и Россія требовали временнаго пріостановленія военныхъ дѣйствій. Австрія отклонила это, такъ какъ желала говорить только языкомъ картечи. Германія, какъ говорятъ, отказалась поддержать это требованіе, одно изъ серьезнѣйшихъ, важнѣйшихъ и рѣшающихъ вопросъ о мировой войнѣ. Эту точку зрѣнія германскаго правительства мы никакъ не можемъ понять, ибо, какъ выше было изложено, она возлагаетъ какъ разъ на него страшную отвѣтственность. Отвѣтственность предъ собственной страной, предъ иностранными державами, предъ форумомъ міровой исторіи.

Во Франціи, страстно жаждущей сохраненія мира, уже раздаются голоса, что отнынѣ ни одинъ человѣкъ не можетъ считать Россію виновницей мірового пожара и что

дѣйствительнымъ нарушителемъ мира является единственно Австрія и ея союзникъ и ближайшій совѣтникъ—Германія.

Въ Англіи общее мнѣніе таково, что рѣшающимъ факторомъ въ вопросѣ войны и мира можетъ быть только германскій императоръ, союзникъ и совѣтникъ Австріи.

Это правильно. Отъ Вильгельма 2-го зависѣло рѣшеніе. „Форвертсъ“ охотно признавалъ, что Вильгельмъ неоднократно выступалъ искреннимъ другомъ мира. Но даже энергичнѣйшій человѣкъ не можетъ избѣжать вліяній, военная же камарилья работала не покладая рукъ, чтобъ вызвать международную войну, міровой пожаръ и опустошеніе всей Европы. Ей надлежало крикнуть:

Воздѣйствіе Германіи на Австрію—насущнѣйшее императивное велѣніе.

Только прекращеніе военныхъ дѣйствій можетъ расчистить свободный путь для разумныхъ мирныхъ обсужденій.

Кто же безсовѣстно настаиваетъ на дальнѣйшей бойнѣ, тотъ преступникъ въ отношеніи собственнаго народа и культурной общности всѣхъ цивилизованныхъ странъ.

Даже 31 іюля, когда рѣшеніе войны или мира висѣло на остріи меча, когда указъ царя ставилъ подъ ружье половину русской арміи, „Форвертсъ“ заключалъ свою руководящую статью, въ которой изображалась опасность ситуаціи и международной войны, слѣдующимъ страстнымъ обращеніемъ:

„Какъ партія международной интернаціональной солидарности мы обращаемся съ увѣщеваніемъ и предостереженіемъ ко всѣмъ отвѣтственнымъ лицамъ всѣхъ государствъ.

Мы предостерегаемъ Россію, что мобилизаціей она создастъ такое положеніе, которое вызоветъ кровавую бойню народовъ, но также и конецъ царизму.

Мы заклинаемъ Францію всей силой своего вліянія воздѣйствовать на Россію, чтобы она своей нелѣпой казацкой политикой не вовлекла также и Францію въ европейскую войну, чреватую неисчислимыми ужасами.

Но мы предостерегаемъ настойчиво также и германское правительство не натягивать безмѣрно лука. Нѣмецкій народъ—онъ доказалъ это демонстраціей нѣмецкаго пролетаріата — хочетъ мира, хочетъ переговоровъ, хочетъ мирнаго разрѣшенія конфликта.

Безпримѣрные происки безотвѣтственной военной камарильи стремятся парализовать усилія императора и канцлера и безсовѣстно развязать фурію войны.

Въ часъ, чреватый величайшими послѣдствіями, надлежитъ противопоставить ему непоколебимый лозунгъ:

Свободный путь къ переговорамъ для обезпеченія мира. Долой подстрекателей войны".

Для современнаго состоянія государствъ роковое значеніе пріобрѣтаетъ фактъ, что съ возникновеніемъ международнаго кризиса, въ самый критическій моментъ, информація народовъ о событіяхъ, совершающихся по другую сторону границъ, и дипломатическія сношенія правительствъ, дѣлаются все болѣе скудными, односторонними, а въ силу этого и тенденціозными. Какъ будто опускается туманный покровъ, за которымъ люди кажутся какими-то фантастическими существами. События же чередуются съ головокружительной быстротой. Каждый часъ создаетъ новую ситуацію и все труднѣе дѣлается возможнымъ установить, на кого падаетъ отвѣтственность за нихъ.

31-го іюля Германія была объявлена на военномъ положеніи. Пресса взята подъ надзоръ, информація подъ цензуру. Тѣмъ не менѣе, „Форвертсъ", въ номерѣ отъ перваго августа, помѣстилъ статью, которая настойчиво приглашала использовать всѣ средства, которыя могли бы въ послѣдній часъ предотвратить войну. Правда, уже было получено извѣстіе, что Россія мобилизуетъ всю свою армію. Но изъ этого еще не слѣдовало дѣлать поспѣшныя и слишкомъ даже широкія заключенія.

„Русская мобилизація не является еще для насъ основаніемъ для прекращенія серьезныхъ и терпѣливыхъ переговоровъ съ точки зрѣнія честной мирной политики. Неизвѣстно, не была ли Россія вынуждена подготовлять форсированнымъ темпомъ свои военныя силы только потому, что Локалъ Анцейгеръ, съ свойственной ему небрежностью, ложно опубликовалъ о германской мобилизаціи. Но и русская мобилизація не должна нервировать Германію, ибо Россія въ силу своей организаціи военныхъ силъ и обширности страны нуждается для мобилизаціи въ значительно большемъ времени, чѣмъ Германія".

Но было уже слишкомъ поздно. Едва вышеприведенное появилось въ печати, какъ получилось извѣстіе объ ультиматумѣ германскаго правительства правительствамъ Россіи и Франціи, а 2-го августа была имъ объявлена война.

4. СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТІЯ ВЪ ПАРЛАМЕНТАХЪ ГЕРМАНІИ и ФРАНЦІИ и ЕВРОПЕЙСКАЯ ВОЙНА.

Несвоевременно, да и не входитъ въ задачу нашей работы заниматься изслѣдованіемъ, въ какой мѣрѣ и на кого падаетъ отвѣтственность за эту войну. Но совершенно обойти молчаніемъ этотъ пунктъ нельзя потому, что для характеристики поведенія соціалистическихъ партій по ту и по сю сторону, а также и въ нейтральныхъ странахъ, необходимо, разумѣется, знать, какъ представлялись имъ событія и кого онѣ считали отвѣтственнымъ за нихъ.

Въ Германіи положеніе дѣлъ было слѣдующее. Было установлено, что Россія первая начала оффиціальную мобилизацію, а оффиціальная мобилизація означала угрозу войной. На предъявленный Россіи германскимъ правительствомъ ультиматумъ, срокъ котораго былъ продолженъ до 5 часовъ вечера 1 августа, по сообщенію Бѣлой Книги, опубликованной имперскимъ правительствомъ 3 августа, русское правительство вообще не отвѣтило, а на ультиматумъ Франціи, по словамъ той же Бѣлой Книги, французское правительство дало не особенно пріятный для соціалистовъ отвѣтъ. Франція поступитъ такъ, какъ подскажутъ ей ея интересы. Такимъ образомъ казалось, что Франція и Россія своими военными приготовленіями открыли враждебныя дѣйствія. Согласно оффиціальному сообщенію, на Востокѣ и на Западѣ вражескіе полки стояли уже на нѣмецкой территоріи.

Имѣя предъ глазами эти событія, парламентская фракція нѣмецкой соціалъ-демократіи должна была 4 августа рѣшить вопросъ о томъ, должна ли она вотировать правительству кредиты на веденіе войны или нѣтъ. Я полагаю, что не совершу нескромности, если замѣчу, что при обсужденіи этого вопроса, австро-сербскій конфликтъ, давшій толчекъ къ военной ситуаціи, былъ затронутъ лишь слегка. Мобилизація и сообщенія о началѣ враждебныхъ дѣйствій отодвигали на задній планъ всѣ другіе вопросы.

Теперь, когда врагъ уже вторгнулся въ страну, и когда главнымъ врагомъ была Россія, для большинства фракціи дѣло шло уже о томъ, должна ли партія, представляющая треть нѣмецкаго народа и тѣхъ, кому придется защищать страну, отказать въ средствахъ на защиту отечества и попеченіе о воинахъ и ихъ родственникахъ. Тѣ, кто ставилъ такъ вопросъ, считали это невозможнымъ. Съ другой стороны, меньшинство спрашивало себя, допустимо ли ассигнованіе средствъ на войну, когда о только что совершившихся событіяхъ имѣется налицо лишь односторонній отчетъ, отчетъ политической системы, противъ которой соціалъ-

демократія всегда боролась съ величайшей энергіей. Дать согласіе на средства для этой войны означало для соціалъ-демократіи, по ихъ мнѣнію, стать въ противорѣчіе съ самимъ собой. Такое противорѣчіе произвело бы самое неблагопріятное впечатлѣніе на рабочихъ другихъ странъ и вызвало бы величайшее замѣшательство въ рабочемъ интернаціоналѣ.

Послѣднее мнѣніе при голосованіи во фракціи могло привлечь на свою сторону немного болѣе седьмой части голосовавшихъ. Шесть седьмыхъ фракціи голосовали за предложеніе вотировать военные кредиты, а такъ какъ заранѣе было рѣшено, въ самомъ рейхстагѣ голосовать во всякомъ случаѣ единогласно, то рейхстагъ 4 августа 1914 г. представлялъ такое зрѣлище: соціалъ-демократія вмѣстѣ съ буржуазными партіями голосовала за отпускъ кредита въ 5 милліардовъ марокъ на военныя цѣли. Такимъ образомъ, представительство всего германскаго народа предъ лицомъ враждебныхъ ему странъ являло единый фронтъ. Обоснованіе голосованія, прочитанное предсѣдателемъ фракціи, Гуго Гаазе, гласило:

„Мы стоимъ передъ роковымъ часомъ. Послѣдствія имперіалистской политики, которая принесла съ собой эру всеобщаго вооруженія и обострила антагонизмъ народовъ, подобно лавинѣ вторгнулись въ Европу. Отвѣтственность за это падаетъ на виновниковъ этой политики, мы снимаемъ ее съ себя. Соціалдемократія всѣми силами боролась съ эти ъ зловѣщимъ развитіемъ, до послѣдняго часа стремилась она путемъ широкихъ манифестацій во всѣхъ странахъ, въ тѣсномъ единеніи съ французскими братьями, предотвратить войну. Всѣ усилія оказались тщетными.

Теперь стоимъ мы передъ грознымъ фактомъ войны. Намъ угрожаютъ ужасы вражскаго вторженія. Ни за, ни противъ войны должны мы теперь рѣшать, но о необходимыхъ средствахъ для защиты страны.

Мы должны подумать о судьбѣ милліоновъ товарищей изъ народа, безъ вины ввергнутыхъ въ это бѣдствіе. На нихъ всего тяжелѣе отразятся опустошенія войны. Наши горячія пожеланія несутся въ слѣдъ братьямъ, безъ различія партій, призваннымъ подъ знамена.

Мы должны подумать о матеряхъ, отдавшихъ своихъ сыновей, о женахъ и дѣтяхъ, лишившихся своихъ кормильцевъ, имъ грозитъ не только страхъ за жизнь любимыхъ, но и ужасы голода. Скоро къ нимъ присоединятся еще десятки тысячъ раненыхъ и увѣчныхъ борцовъ. Помочь имъ всѣмъ, облегчить ихъ судьбу, смягчить ужасную, неизмѣримую нужду—вотъ насущнѣйшая задача, вотъ наша первая обязанность.

При побѣдѣ русскаго деспотизма, запачканнаго кровью лучшихъ сыновъ своего народа, свобода и будущность нашего народа стоятъ на картѣ. Нужно предотвратить эту опасность, охранить культуру и независимость нашей страны. Мы исполнимъ то, что всегда утверждали: въ часъ опасности мы не оставимъ отечества. Мы стоимъ въ согласіи съ Интернаціоналомъ, всегда признававшимъ за каждымъ народомъ право на національную самостоятельность и самозащиту и единодушно съ нимъ осуждаемъ всякую завоевательную войну.

Мы требуемъ, чтобы война, какъ скоро достигнута цѣль безопасности, какъ скоро противникъ будетъ склоненъ къ миру, была окончена такимъ миромъ, который сдѣлалъ бы возможной дружбу съ сосѣдними народами. Мы требуемъ этого не только въ интересахъ всегда защищаемой нами интернаціональной солидарности, но также и въ интересахъ нѣмецкаго народа.

Мы надѣемся, что жестокая школа военныхъ страданій пробудитъ въ новыхъ милліонахъ отвращеніе къ войнѣ и привлечетъ ихъ къ дѣлу соціализма и международнаго мира.

Исходя изъ этихъ принциповъ, мы голосуемъ за требуемые кредиты".

Если этому заявленію нельзя отказать въ томъ, что оно насквозь пропитано соціалистическимъ духомъ и ни однимъ словомъ не противорѣчитъ принципамъ Рабочаго Интернаціонала, то, съ, другой стороны нельзя сказать, что аргументы, которые приводились противъ принятія кредитовъ, были необоснованы. При такихъ рѣшеніяхъ никогда не бываетъ такъ, что на одной сторонѣ истина, а на другой заблужденіе. Такъ, возраженіе, что соціалисты другихъ странъ не поняли бы голосованія и были бы сбиты съ толку, оказалось вполнѣ основательнымъ. Не всюду вмѣстѣ съ извѣстіемъ о голосованіи за кредиты проникло также и вышеприведенное заявленіе, которое, при наступившемъ перерывѣ въ обмѣнѣ газетами, телеграфъ передалъ только въ сокращенной формѣ. Вслѣдствіе этого, въ различныхъ странахъ изъ этого сообщенія узнали только то, что германская соціалъ-демократія голосовала за кредиты и истолковали это какъ согласіе на войну. Для большинства заграничныхъ соціалистовъ это было жестокимъ разочарованіемъ, такъ какъ на германскую соціалъ-демократію, съ ея четырьмя милліонами избирателей, соціалъ-демократы всѣхъ странъ смотрѣли какъ на сильнѣйшій авангардъ борцовъ противъ войны. Все чаще и чаще упоминали о позиціи, занятой Бебелемъ и Либкнехтомъ при возникновеніи войны въ 1870 году и видѣли въ ней гарантію поведенія основанной ими партіи. И вотъ эта то партія, до-

стигшая такой силы, даетъ средства на войну, которая была объявлена не Германіи, какъ это было въ 1870 году, а Германіей западнымъ и восточнымъ государствамъ.

Конечно, формально послѣднее было вѣрно. Оспаривали даже значеніе нарушенія границъ, которымъ Германское правительство обосновывало свое объявленіе войны. Скорѣе правительства Франціи и Россіи имѣли основанія обвинять германскій штабъ въ нарушеніи границъ. Уже перваго августа французское правительство передало черезъ своего посланника въ Лондонѣ англійскому правительству ноту, въ которой сообщалось, что уже 31 іюля нѣмецкіе патрули перешли въ двухъ мѣстахъ французскую границу, въ то время, какъ французскіе форпосты находились въ разстояніи десяти километровъ отъ нея. Мѣстное населеніе выражало протестъ, что ихъ такимъ образомъ оставили на произволъ враждебныхъ войскъ.

Французское правительство придаетъ особенно значеніе необходимости дать общественному мнѣнію и британскому правительству ясныя доказательства того, что Франція ни въ какомъ случаѣ не будетъ нападающей стороной. Германія, какъ достовѣрно извѣстно французскому правительству, начала свои военныя приготовленія въ тотъ же самый день, когда Сербіи была вручена австрійская нота. Все это, заканчивала нота, дастъ возможность посланнику дать британскому правительству „доказательство мирныхъ намѣреній одной и агрессивныхъ намѣреній другой стороны".

При современномъ характерѣ военныхъ вооруженій и колоссальной величинѣ современныхъ войскъ чрезвычайно трудно рѣшить, кто первый началъ военныя приготовленія и кто первый нарушилъ границы. Въ каждой странѣ оффиціальной мобилизаціи предшествуетъ неоффиціальная, первая есть заключительный актъ военныхъ мѣропріятій, которыя предпринимаетъ всякое правительство, какъ только на горизонтѣ появляется облачко, предвѣщающее войну. Но первыя распоряженія такого рода, что при желаніи имъ можно дать самое невинное толкованіе. А разъ колоссальныя войска стоятъ уже на пограничныхъ линіяхъ, тогда вполнѣ возможны, какъ съ той, такъ и другой стороны, опрометчивыя выступленія, какъ это часто случается и во время самой войны. Доказательства, что войну начала другая сторона, имѣютъ силу у третьихъ лицъ только въ зависимости отъ ихъ довѣрія къ миролюбію той или другой стороны.

Въ этомъ отношеніи оффиціальная Германія находилась, къ сожалѣнію, не въ очень благопріятномъ положеніи. Европейская демократія издавна привыкла разсматри-

вать Германію какъ классическую страну милитаризма и усиленныхъ вооруженій. Послѣднее всегда вызывало у демократіи опасеніе и страхъ. Еще живы были въ памяти демократіи колоссальный военный законопроэктъ 1913 года, событія въ Цаберне, Крупповская афера, телеграмма германскаго кронпринца и т. п.

Не было забыто, что Германія своей дипломатіей поощряла неуступчивость Австріи въ сербскомъ вопросѣ, а такія событія, какъ оффиціально опровергнутое сообщеніе полуоффиціальнаго „Berliner Lokalanzeiger" о мобилизаціи Германіи, вызывая изумленіе, повели къ тому, что стали вообще относиться съ недовѣріемъ также и къ другимъ оффиціальнымъ заявленіямъ имперскаго правительства.

Между прочимъ, обоснованіе нарушенія Германіей бельгійскаго нейтралитета, съ которымъ выступилъ 4 августа германскій имперскій канцлеръ, натолкнулось на сильное недовѣріе у демократическихъ слоевъ другихъ странъ, особенно у рабочихъ партій, противъ него говорило прежде всего сдѣланное французскимъ правительствомъ заявленіе, что Франція опредѣленно обѣщаетъ уважать нейтралитетъ Бельгіи, если ни одна другая держава не нарушитъ его; и даже самъ Жоресъ 29 іюля на манифестаціи въ Брюсселѣ увѣрялъ слушателей въ мирныхъ намѣреніяхъ французскаго правительства. По словамъ подробнаго отчета брюссельскаго „Peuple", Жоресъ, самый любимый и уважаемый изъ всѣхъ соціалистическихъ вождей Рабочаго Интернаціонала, заявилъ:

„Намъ, французскимъ соціалистамъ, выпала легкая задача. Намъ не приходится предписывать правительству мирной политики, оно выполняетъ ее на практикѣ. Я, никогда не боявшійся навлечь на себя всю ненависть нашихъ шовинистовъ своимъ упорнымъ и неослабнымъ стремленіемъ достигнуть нѣмецко-французскаго сближенія, я имѣю право заявить, что въ данный моментъ французское правительство хочетъ мира и дѣлаетъ все для сохраненія его.

Въ этомъ отношеніи французское правительство—лучшій союзникъ достойнаго удивленія англійскаго правительства, взявшаго на себя иниціативу посредничества. Оно вліяетъ на Россію совѣтами въ духѣ мудрости и терпѣнія".

Можно быть увѣреннымъ, что Жоресъ былъ убѣжденъ въ истинности своихъ словъ. Въ частномъ кругу онъ дѣлалъ даже болѣе опредѣленныя сообщенія о замѣчательныхъ шагахъ французскаго правительства. Подтвердили ли ихъ факты, конечно, другой вопросъ. Но здѣсь дѣло идетъ не объ исторической оцѣнкѣ поведенія и намѣреній правительствъ, но о характеристикѣ сужденій, которыя господствовали у соціалъ-демократіи различныхъ странъ въ началѣ и во время войны.

Не подлежащая сомнѣнію честность Жореса подтверждается слѣдующей фразой:

„Наша обязанность настаивать, чтобы оно (французское правительство) со всей энергіей воздѣйствовало на Россію, въ цѣляхъ удержать ее отъ объявленія войны. Но если Россія не согласится, тогда намъ остается заявить: мы знаемъ только одинъ договоръ, договоръ, который заключенъ нами съ человѣчествомъ“.

Черезъ два дня, послѣ произнесенія этихъ удивительныхъ словъ, Жореса не стало. Рука яраго шовиниста коварно убила могущественнаго трибуна человѣчества и человѣчности. Впослѣдствіи въ извѣстномъ смыслѣ старались даже благословлять эту руку. Она избавила этого благороднаго человѣка отъ печальной необходимости пережить крушеніе того дѣла, которому онъ отдалъ свой удивительный геній.

Какъ говорилъ бы и голосовалъ Жоресъ въ Совѣтѣ французскихъ соціалистовъ, который вскорѣ затѣмъ долженъ былъ рѣшительно высказаться по вопросу о войнѣ и мирѣ, нельзя сказать съ такой достовѣрностью, какъ это можетъ казаться на основаніи вышеприведенныхъ и несомнѣнно сказанныхъ со всей серьезностью словъ, ибо Жоресъ не былъ абсолютнымъ пацифистомъ, но абсолютнымъ противникомъ завоевательной войны.

Въ появившемся также и на нѣмецкомъ языкѣ (Іена 1913 г.) глубоко научномъ трактатѣ „Новая Армія“ Жоресъ далъ цѣлую теорію оборонительной войны, за которую въ данномъ случаѣ онъ, несомнѣнно, высказался бы со всѣмъ своимъ жаромъ. Слѣдовательно, все зависѣло бы отъ того, въ какомъ свѣтѣ показалась бы ему новая франко-нѣмецкая война.

Вмѣстѣ съ сообщеніемъ объ убійствѣ, «Humanite» приводитъ послѣдній разговоръ Жореса съ членами французскаго правительства, изъ котораго видно, что Жоресъ требовалъ усиленнаго давленія на Россію, съ цѣлью заставить ее примкнуть ко второму англійскому предложенію посредничества, но вмѣстѣ съ тѣмъ разсматривалъ ее какъ союзницу Франціи. Жоресъ требовалъ, чтобы правительство заявило ей:

„Наша страна имѣетъ право требовать отъ своего союзника, чтобы онъ, насколько возможно, держался даннаго Англіей направленія. Россія должна принять англійское предложеніе. Иначе Франція, обязана заявить ей, что она не послѣдуетъ за ней и останется на сторонѣ Англіи“.

Но Россія приняла также и второе предложеніе Англіи, которое, какъ и первое, разбилось о сопротивленіе Австріи. Война Германіи и Австріи съ Россіей формально была объявлена Германіей,

Изъ словъ Жореса не видно, какъ при такой ситуаціи должны были вести себя французскіе соціалисты. Какъ обстояло дѣло у его коллегъ?

12-го августа при обсужденіи во фракціи объединенныхъ соціалистовъ Франціи создавшейся ситуаціи перевѣсило мнѣніе, что главная отвѣтственность за войну падаетъ на Германію, которая своимъ давленіемъ на Австрію могла бы предупредить ее. Но какъ ни сильно было общее нежеланіе войны, тѣмъ не менѣе одна группа рѣшала голосовать противъ войны и кредитовъ на нее, другая считала нужнымъ воздержаться, и только меньшинство держалось взгляда, что при измѣнившихся условіяхъ придется волей-неволей голосовать за кредиты.

Послѣдовавшее затѣмъ объявленіе Германіей войны Франціи и извѣстіе о намѣреніи послѣдней вторгнуться во Францію черезъ Бельгію привело къ тому, что 4-го августа соціалисты парламентской фракціи единодушно голосовали за кредиты.

Еще 28-го іюля, въ связи съ извѣстіемъ о вторженіи австрійскихъ войскъ въ Сербію, они выпустили заявленіе, въ которомъ говорили, что вооруженное вмѣшательство Россіи только ухудшило бы и увеличило опасность. Вмѣшательство было бы, говорилось въ немъ, „на руку жаждущему войны германскому имперіализму, выбравшему надлежащій моментъ осуществить небывалое насильничество, которое въ свое время обратится противъ него самого".

Всѣ усилія Франціи и Европы должны быть направлены на то, чтобы предложенное Англіей посредничество увѣнчалось успѣхомъ, вооруженный же актъ Россіи „парализовалъ бы этотъ мудрый и великодушный планъ". „Франція, которая болѣе сорока лѣтъ подчиняла свои притязанія на Эльзасъ-Лотарингію высшимъ интересамъ мира, не должна допустить, чтобы ее втянули въ конфликтъ, который касается лишь Сербіи".

„Каково бы ни было толкованіе тайныхъ договоровъ и темныхъ соглашеній, ни въ какомъ случаѣ и ни при какихъ обстоятельствахъ Франція не должна быть ввергнута въ ужасную борьбу".

Но война наступила, и подписавшіе заявленіе были вынуждены дать средства на нее. Болѣе того, когда въ концѣ августа нѣмецкія войска черезъ Бельгію вторгнулись во Францію, они голосовали за то, чтобы двое изъ ихъ среды вошли въ министерство, ставшее отнынѣ министерствомъ національной обороны. Однимъ изъ нихъ былъ Гедъ, проповѣдникъ во Франціи ученія нѣмца Маркса и одинъ

изъ первыхъ осмѣлившихся безпощадно бороться съ трибуны съ идеей реванша; другой былъ Марсель Самба, интимнѣйшій и ревностный соратникъ Жореса, боровшійся за франко-нѣмецкое сближеніе и авторъ посвященной этому вопросу книги: „Faites la paix sinon faites un roi", въ которой онъ бросилъ республикѣ призывъ: республика должна наконецъ подумать о дѣйствительномъ мирѣ съ Германіей, въ противномъ случаѣ, она логически должна броситься въ объятія милитаризма, который требуетъ, чтобы во главѣ его былъ король. Нѣтъ болѣе лучшаго доказательства ирраціональности настоящей войны, чѣмъ тотъ фактъ, что оба эти человѣка, до послѣдняго времени бывшіе сильнѣйшими врагами русско-французскаго союза, вступили теперь въ министерство какъ разъ съ той цѣлью, чтобы придать наибольшую силу борьбѣ, которую вела Франція въ союзѣ съ Россіей противъ Германіи. Между тѣмъ, французская соціалъ-демократія не приняла бы такого близкаго участія въ этой борьбѣ, еслибъ не вышеотмѣченный нами взглядъ ея на отвѣтственность за войну.

Вступленіе своихъ двухъ членовъ въ кабинетъ Вивіани фракція обосновывала въ манифестѣ, изъ котораго мы заимствуемъ слѣдующія мѣста:

„Глава правительства держался взгляда, что для организаціи борьбы, которая должна вестись съ величайшей настойчивостью, необходимо единеніе всѣхъ и въ особенности содѣйствіе тѣхъ, которые для развитія пролетаріата считаютъ необходимымъ уничтоженіе деспотизма. Президентъ зналъ, что во всѣ времена, въ критическій моментъ, какъ въ 1793 г., такъ и въ 1870-й, соціалисты, революціонеры и были тѣми людьми, которымъ нація ввѣряла свою судьбу. Не выжидая выявленія народной воли, глава правительства обратился къ нашей партіи и наша партія отвѣтила: „мы готовы". Руководствуясь этимъ, наши друзья вошли въ правительство. Они сознаютъ колоссальность дѣла, выпавшаго на ихъ долю, прежде всего они будутъ стремиться къ тому, чтобы странѣ была сказана правда. Они придадутъ странѣ необходимое для побѣды мужество и волю, вызвавъ и укрѣпивъ въ ней довѣріе къ искренности правительства. Мы поднимемъ массы, и позаботимся, чтобъ ни одна сила не осталась неиспользованной. Мы провѣримъ источники нашего вооруженія и провіанта, мы постараемся ихъ увеличить. Только одна воля, свободная отъ предразсудковъ, руководимая одной единой идеей блага страны, только величайшее напряженіе можетъ довести національную энергію до высшей степени ея полезности. Тогда присутствіе нашихъ друзей въ правительствѣ будетъ порукой тому, что республиканская демократія будетъ готова бороться до послѣдней капли крови...

Первые результаты и тотъ энтузіазмъ, съ которымъ протекали первые дни мобилизаціи, даютъ намъ увѣренность, что мы боремся не только за существованіе отечества, не только за величіе Франціи, но за свободу, республику, за цивилизацію.

Мы боремся за то, чтобы міръ, освобожденный отъ удушающихъ объятій имперіализма и всѣхъ ужасовъ войны, пользовался наконецъ миромъ.

Это убѣжденіе будетъ вдохновлять соціалистическихъ министровъ всего правительства. Они оживятъ работу кабинета, пропитаютъ этимъ убѣжденіемъ также героическую армію, въ которой въ настоящее время борется цвѣтъ націи. Своей настойчивостью и воодушевленіемъ они обезпечатъ спасеніе отечества и прогрессъ человѣчества".

5. БЕЛЬГІЙСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ И ВОЙНА.

Подобно французской соціалдемократіи, также и соціалъ-демократія Бельгіи стала на сторону своего правительства въ борьбѣ съ Германіей. Отклоненіе предложенія Германіи пропустить за вознагражденіе нѣмецкія войска было встрѣчено одобреніемъ. Бельгійскіе соціалисты, какъ выше было указано, руководствовались при этомъ тѣмъ взглядомъ, что согласіе на нѣмецкое предложеніе означало бы добровольный отказъ отъ нейтралитета ихъ страны и враждебную позицію противъ Франціи. 3-го августа, когда Германіей была уже объявлена война Франціи и стало извѣстнымъ, что Германія намѣревается продвинуть свои войска черезъ Бельгію во Францію, Центральный Комитетъ Бельгійской рабочей партіи выпустилъ слѣдующій манифестъ, написанный Л. Брукеромъ, Э. Вандервельде и Н. Вотеромъ:

КЪ НАРОДУ БЕЛЬГІИ.

„Европейская война объявлена. Черезъ нѣсколько дней, быть можетъ, черезъ нѣсколько часовъ, милліоны людей, желавшихъ жить въ мирѣ, вопреки ихъ желанію будутъ втянуты въ ужаснѣйшую бойню. И все это въ силу договоровъ, неизвѣстныхъ имъ, и волею, которая не ихъ воля.

За это несчастіе соціалъ-демократія не отвѣтственна. Она никогда не упускала случая предостерегать народы, что безуміе вооруженія принесетъ Европѣ величайшую катастрофу.

Нынѣ это несчастіе стало фактомъ. Въ виду роковыхъ событій нами владѣетъ только одна мысль: какъ можно скорѣе приложить всю нашу силу, чтобъ отвратить нападеніе на нашу страну. Мы дѣлаемъ это съ тѣмъ большей

Јотовностью, что защитой нашей страны, ея нейтралитета и даже ея существованія отъ военнаго насилія мы служимъ вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлу демократіи и свободы въ Европѣ.

Наши товарищи, призванные подъ знамена, покажутъ, какъ поступаютъ соціалистическіе рабочіе въ часъ опасности. Но что бы то ни было, какія бы ни создались условія, мы просимъ ихъ, даже среди предстоящихъ ужасовъ никогда не забывать, что они принадлежатъ къ Рабочему Интернаціоналу, и, поскольку это соединимо съ законной самообороной и защитой страны, всѣми силами стараться проявлять чувство братства и милосердія.

Генеральный Совѣтъ
Бельгійской Рабочей Партіи".

Когда послѣ насильственнаго вторженія и продвиженія нѣмецкихъ войскъ внутрь страны, бельгійское правительство стало національнымъ правительствомъ, въ которое вошли всѣ партіи, съ согласія партіи вступилъ въ министерство и Э. Вандервельде. Какъ одинъ изъ посланниковъ бельгійскаго правительства, онъ отправился въ сентябрѣ въ Англію и Соединенные Штаты, съ цѣлью просить у нихъ помощи противъ Германіи. При этомъ онъ сообщилъ о тѣхъ гнусныхъ жестокостяхъ, которыя были совершены нѣмецкими солдатами въ Бельгіи надъ мужчинами, женщинами и дѣтьми. Мы упоминаемъ здѣсь о послѣднемъ не ради критики. Отвратительные поступки бываютъ во всякой войнѣ и во всякомъ лагерѣ. Конечно, такой интеллигентный человѣкъ, какъ Вандервельде, и самъ сознавалъ, что они ничего не говорятъ ни за ни противъ справедливости дѣла. Впрочемъ, мы здѣсь не ставимъ себѣ задачи судить его и его партію. Умно ли и правильно ли поступали они—рѣшитъ исторія. Но одно должно быть здѣсь установлено, — раздраженіе, которое принесла съ собой только-что вспыхнувшая война, сюда не относится. Но ничто не даетъ права заключить, что вожди бельгійской рабочей партіи съ самаго начала были настроены противъ нѣмецкаго народа. Фактически, отношенія между бельгійскимъ и нѣмецкимъ рабочимъ движеніемъ всегда были гораздо тѣснѣе, нежели ихъ отношенія къ французскому рабочему движенію; различные вліятельные вожди бельгійской соціалъ-демократіи съ особенной любовью поддерживали и развивали духовное общеніе съ Германіей. Но во всякомъ случаѣ не можетъ быть рѣчи о томъ, что политическія учрежденія Франціи были бельгійскимъ соціалъ-демократамъ симпатичнѣе, чѣмъ германскія.

6. РАБОЧІЯ ПАРТІИ АНГЛІИ И ВОЙНА.

Перейдемъ къ четвертой странѣ, непосредственно захваченной войной, Англіи. Здѣсь картина немного иная, чѣмъ въ Германіи, Франціи и Бельгіи.

Прежде всего она не единодушна. Часть англійскихъ соціалистовъ (кажется) съ самаго начала встала на сторону англійскаго правительства постольку, поскольку она считала Германію такой страной, съ которой вообще необходимо бороться. Но и они не питали враждебныхъ чувствъ къ нѣмецкой націи. Ихъ ненависть была направлена противъ милитаризма, отвратительнѣйшее порожденіе котораго въ ихъ глазахъ отождествлялось съ нынѣшней Германской Имперіей. Такой взглядъ устно и письменно всегда защищалъ ветеранъ англійскаго марксизма, Н. М. Гайдманъ. Вполнѣ естественно, что и теперь, когда война была оффиціально объявлена, онъ проповѣдывалъ борьбу съ Германіей. За нѣсколько дней до объявленія войны, британская соціалистическая партія, къ которой онъ принадлежитъ, выпустила слѣдующій манифестъ къ рабочимъ Великобританіи, въ которомъ она высказывалась противъ войны, войны, по ихъ мнѣнію, не народной. Послѣ объявленія войны, въ партійномъ органѣ „Iustice" была дана слѣдующая оцѣнка голосованію кредитовъ нѣмецкой соціалъ-демократіи.

„Мы должны признать, что... голосованіе соціалдемократической партіи рейхстага можетъ быть понято нами только при предположеніи, что рейхстагъ послѣ объявленія 31-го іюля военнаго положенія въ Германіи не зналъ дѣйствительнаго положенія вещей. Поведеніе соціалдемократической фракціи рейхстага въ виду угрожающаго нападенія со стороны Россіи можетъ быть вполнѣ оправдано; она поступала сообразно рѣшеніямъ интернаціональныхъ конгрессовъ. Объявленіе войны со стороны Германіи Россіи послѣдовало 1-го августа. Но въ тотъ же день нѣмецкія войска, заранѣе сконцентрированныя въ Аахенѣ, заняли желѣзнодорожную станцію Люксембурга. На слѣдующій день былъ переданъ ультиматумъ Бельгіи, а 3 августа была объявлена война Бельгіи и Франціи. Все это произошло ранѣе, чѣмъ голосовались военные кредиты въ рейхстагѣ (4-ое августа). Рейхстагъ отсроченъ до 24-го ноября. Только тогда будутъ разоблачены тактическіе пріемы прусской „національной обороны. Мы увѣрены, что 110 соціалъ-демократическихъ депутатовъ послѣдуютъ примѣру Бебеля и Либкнехта во время франко-прусской войны".

Британская соціалистическая партія представляетъ только меньшинство всѣхъ англійскихъ соціалистовъ. Зна-

чительно большая часть принадлежитъ къ независимой рабочей партіи, которая сама представляетъ лѣвое крыло основанной англійскими профессіональными союзами рабочей партіи Англіи. Въ совѣтѣ послѣдней, называющейся Союзомъ Профессіональныхъ Союзовъ и Соціалистовъ, такъ же, какъ и въ ея парламентскомъ представительствѣ, преобладаютъ представители профессіональныхъ союзовъ, которые своимъ рѣшеніямъ, правда, часто придаютъ оппортунистическій характеръ; но все же въ общемъ ихъ постановленія носятъ печать демократическаго и соціалистическаго образа мышленія. Делегаты рабочей партіи, Независимой Рабочей партіи, Британской Соціалистической партіи и Союза фабіанскихъ Соціалистовъ вмѣстѣ образуютъ британскую секцію Интернаціональнаго Соціалистическаго Рабочаго Конгресса. Наканунѣ войны ея комитетъ опубликовалъ воззваніе къ англійскому народу, въ которомъ онъ, согласно съ соціалистами континента, но въ еще болѣе сильныхъ выраженіяхъ, призывалъ къ противодѣйствію войнѣ. Этотъ манифестъ, подписанный депутатами Артуромъ Гендерсономъ и И. Киргарди, гласитъ:

„Давно угрожавшая европейская война вспыхнула. Никогда въ теченіе болѣе ста лѣтъ не грозила такая опасность цивилизаціи. Вамъ, только вамъ надлежитъ дать себѣ ясный отчетъ въ создавшемся отчаянномъ положеніи и какъ можно скорѣе и энергичнѣе дѣйствовать въ интересахъ мира. Васъ никогда не спрашивали о войнѣ. Какого бы ни быть мнѣнія о внезапномъ нападеніи милитаристской Австрійской имперіи на Сербію, одно несомнѣнно, что рабочіе всѣхъ странъ, которыя могутъ быть втянуты въ конфликтъ, должны напрячь всѣ силы, чтобы помѣшать своимъ правительствамъ принять участіе въ войнѣ.

Повсюду соціалисты и организованные рабочіе занимаютъ одну и ту же позицію, всюду страстно протестуютъ противъ жадности и интригъ милитаристовъ и тѣхъ, кто заинтересованъ въ вооруженіи. Мы призываемъ васъ къ еще болѣе внушительнымъ протестамъ. Устраивайте грандіозныя манифестаціи противъ войны во всѣхъ индустріальныхъ центрахъ. Принудите къ молчанію господствующіе классы и ихъ прессу, стремящуюся вовлечь васъ въ войну и тѣмъ самымъ содѣйствовать русскому деспотизму. Заставьте ихъ уважать рѣшеніе преобладающаго большинства народа, не желающаго этого позора. Успѣхъ Россіи былъ бы проклятіемъ для всего міра.

Нельзя терять времени. Въ силу тайныхъ договоровъ и соглашеній, о которыхъ демократы цивилизованнаго міра знаютъ только по наслышкѣ, уже предпринимаются шаги, которые всѣхъ насъ ввергнутъ въ борьбу,

Рабочіе! Сплоченно боритесь за миръ. Объединяйтесь, чтобы разъ навсегда покончить съ милитаристскимъ врагомъ и жадными имперіалистами.

Мужчины и женщины Великобританіи! На вашу долю выпадаетъ рѣдкій случай оказать блестящую услугу человѣчеству и всему міру.

Возвѣстите, что для васъ миновали дни грабежа и бойни. Посылайте вѣстниковъ мира и братства вашимъ товарищамъ, пользующимся меньшей свободой, чѣмъ вы. Долой классовое господство. Долой господство грубой силы. Долой войну. Да здравствуетъ мирное господство народа".

Внезапность, съ которой вспыхнула война, не дала времени послѣдовать этому приглашенію. Все же, въ Лондонѣ второго августа отъ шести до семи тысячъ людей собралось на собраніе протеста въ Трафальгарскомъ Скверѣ. Также и въ провинціи не было недостатка въ подобныхъ собраніяхъ. Въ Англіи была даже сдѣлана попытка воспрепятствовать возникновенію войны путемъ стачки рабочихъ. Соціалистъ Георгъ Ленсберч, идущій одиноко своимъ собственнымъ путемъ, писалъ въ редактируемомъ имъ Лондонскомъ „Daily Herold":

„Чтобы протестъ противъ войны не былъ безрезультатенъ, рабочіе, во власти которыхъ находится контроль надъ средствами сообщенія, должны воспрепятствовать ихъ примѣненію для военныхъ цѣлей, которыя вызовутъ ужаснѣйшее, не поддающееся описанію несчастіе. Они должны объявить забастовку, какъ протестъ противъ войны. Вожди рабочихъ должны тотчасъ принять для этого мѣры. Въ настоящій моментъ рабочіе имѣютъ случай нанести ударъ прямо въ сердце капиталистической системѣ. Для этого рабочіе имѣютъ въ своихъ рукахъ оружіе. Пусть они отважутся быть мудрыми".

Согласно съ этимъ, въ Кардифѣ, главной гавани каменноугольнаго округа южнаго Уэльса, углекопы единогласно приняли резолюцію отказать въ необходимомъ углѣ военному флоту. „Мы отказываемся", гласила резолюція, „содѣйствовать вмѣшательству нашей страны въ настоящій европейскій конфликтъ или тѣмъ или другимъ образомъ оказать ему помощь".

Изъ доступной намъ англійской прессы не видно, какъ было проведено это рѣшеніе. Во всякомъ случаѣ значеніе его не нуждается ни въ какомъ поясненіи: „Если бы эти люди поступали такъ въ Германіи", заявилъ одинъ депутатъ въ парламентѣ, „они тотчасъ были бы арестованы и разстрѣляны".

Со стороны представителей рабочихъ партій въ дни до объявленія войны не было недостатка въ интерпелляціяхъ въ Палатѣ Общинъ о ходѣ переговоровъ съ державами, именно, они настойчиво требовали дать отвѣтъ, взяла ли на себя Англія по отношенію къ Франціи или Россіи какія-либо обязательства участвовать въ войнѣ. Правительство опровергало это, доказательства же существованія связывающихъ правительство соглашеній не были представлены. Однако, позднѣе британское правительство въ своей Бѣлой Книгѣ объ европейскомъ кризисѣ само опубликовало документы, которые говорятъ о переговорахъ съ Франціей, о совмѣстномъ дѣйствіи въ случаѣ возможной войны, а что такіе переговоры въ концѣ-концовъ велись также и съ Россіей, это устанавливается документами, которые были найдены и опубликованы германскимъ правительствомъ. Слѣдовательно, англійское правительство въ своихъ отношеніяхъ къ Франціи и Россіи во всякомъ случаѣ пошло дальше, чѣмъ считало нужнымъ сообщить объ этомъ англійскому обществу. Представители англійскихъ рабочихъ, пользуясь большей свободой прессы, существовавшей въ Англіи и во время войны, а также благодаря непрекращавшимся засѣданіямъ парламента, рѣзко осуждали за это англійское правительство.

Еще 4 августа соціалистическія партіи и парламентское правленіе профессіональныхъ союзовъ созвали конференцію, на которой, вновь протестуя противъ войны, было выставлено требованіе оттянуть, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько дней начало военныхъ дѣйствій, пока не будетъ установлено, дѣйствительно ли Германія нарушила нейтралитетъ Бельгіи. Это требованіе стало въ тотъ же самый день излишнимъ послѣ заявленія, сдѣланнаго германскимъ рейхсканцлеромъ, но оно свидѣтельствуетъ, какъ дружественно были настроены по отношенію Германіи его авторы.

Въ засѣданіи Палаты Общинъ 9-го сентября спеціально посвященномъ вопросу объ объявленіи войны, Джемсъ Ремзай Макдональдъ, предсѣдатель фракціи рабочей партіи, сдѣлалъ отъ имени послѣдней слѣдующее заявленіе:

„Серъ Эдуардъ Грей говорилъ здѣсь о „чести Англіи“. Нѣтъ такой войны, хотя бы самой преступнѣйшей, при объявленіи которой государственные мужи не ссылались бы на честь націи. Такъ было во время Крымской войны, такъ было при Бурской войнѣ, такъ и теперь. Какой смыслъ имѣетъ заявленіе, что мы должны помочь Бельгіи, если въ дѣйствительности мы вмѣшиваемся въ войну, которая должна измѣнить карту Европы. Грей ни слова не сказалъ о Россіи, а объ этомъ какъ разъ и хотѣлось услыхать. Мы желали бы

имѣть представленіе о томъ, что произойдетъ, если власть въ Европѣ достанется Россіи. Наша дружба съ Франціей, какой ее изображаетъ Грей, не даетъ никакой странѣ права вмѣшиваться въ войну въ пользу другой страны. Мысль, что Франціи грозила бы опасность быть уничтоженной и въ дальнѣйшемъ перестать играть роль, которую она играла въ цивилизаціи Европы, большой абсурдъ: вѣдь самъ Грей сказалъ, что Франція въ состояніи защищаться самостоятельно. Сама мысль—нелѣпость, отнюдь не дающая намъ права на вмѣшательство въ войну. Я знаю, что противъ насъ большинство, но такъ было и во время Бурской войны и только въ 1906 году произошелъ поворотъ во мнѣніи. Мы подготовляемся продѣлать то же самое и теперь. Но, что бы не случилось, какимъ бы нападкамъ мы не подвергались, все же мы будемъ говорить, что Англія должна остаться нейтральной, ибо мы глубоко убѣждены, что это было бы самымъ правильнымъ образомъ дѣйствія, единственно соотвѣтствующимъ чести націи и традиціямъ теперешней правительственной партіи..

Въ томъ же духѣ въ засѣданіи соціалистовъ говорилъ и ветеранъ Независимой Рабочей Партіи, Киръ Гарди. Оба, и Киръ Гарди и Макдональдъ, въ „Labour Leader“, органѣ независимой рабочей партіи, не разъ обвиняли англійское правительство въ соучастіи въ войнѣ, признавая, конечно, при этомъ, что какъ правительство, такъ и министръ иностранныхъ дѣлъ, сэръ Эдуардъ Грей, старались избѣжать ее. Но было уже поздно. Предшествующими соглашеніями правительство связало себѣ руки и вслѣдствіе этого не могло сдѣлать всего того, что позволило бы ей остаться въ сторонѣ отъ войны и даже воспрепятствовать, быть можетъ, ея наступленію. Послѣ опубликованія англійской Бѣлой Книги о войнѣ, Макдональдъ писалъ въ „[illegible]“.

„Изъ рѣчи Грея 3-го августа и изъ Бѣлой Книги видно, какъ Согласіе запутало въ свои сѣти Англію. Съ 1906 года между французскими и англійскими руководителями флота и арміи велись регулярные переговоры. Въ результатѣ ихъ возникли планы совмѣстныхъ согласованныхъ дѣйствій какъ на морѣ, такъ и на сушѣ. Согласно съ ними, французскій флотъ оставилъ сѣверные берега незащищенными. Планы были разработаны съ такимъ разсчетомъ, что при всеобщей войнѣ нейтралитетъ Бельгіи будетъ нарушенъ. Шесть лѣтъ тянулись эти переговоры. Затѣмъ планы были пересланы въ Петербургъ, а оттуда великій князь, имѣвшій сношенія съ нѣмецкой партіей въ Россіи, какъ говорятъ, переслалъ ихъ въ Берлинъ. Въ теченіе всего этого времени Германія знала, что между Франціей и Англіей заключены военныя соглашенія, и что Россія свои военныя операціи

будетъ вести въ согласіи съ ними. Мы такъ основательно запутались въ франко-русскомъ союзѣ, что Э. Грей 3-го августа долженъ былъ сказать: правда, руки у насъ свободны, но честь связана. Англія такъ связала себя обязательствомъ сражаться за Францію и Россію, что Грей безъ всякихъ размышленій отклонилъ попытку Германіи удержать насъ отъ войны. Поэтому онъ и не могъ сказать всей правды парламенту. Онъ умолчалъ, что опасность грозитъ не независимости, а только нейтралитету Бельгіи и своимъ умолчаніемъ заставилъ насъ думать, что независимость этого государства столь же угрожаема, какъ и его нейтралитетъ. Онъ не сообщилъ намъ своего разговора съ нѣмецкимъ посланникомъ 1-го августа. А почему? Да потому, что Грей безъ вѣдома націи такъ сильно связалъ Англію съ Франціей и Россіей обязательствами бороться на ихъ сторонѣ, что уже не былъ въ состояніи вести переговоры о нейтралитетѣ".

Политика Грея „въ послѣдніе восемь лѣтъ была угрозой европейскому миру, она была несчастіемъ для Англіи". Какъ онъ, такъ и министръ-президентъ Асквитъ увѣряли въ парламентѣ, что Англія въ военномъ отношеніи не связала себя съ Франціей. „Формально это было правильно; но не по существу".

Макдональдъ закончилъ свою статью слѣдующимъ образомъ:

„Грей несомнѣнно прилагалъ всѣ силы устранить послѣдствія своей политики и сохранить миръ Европѣ. Когда же это не удалось, тогда онъ былъ вынужденъ ввергнуть страну въ войну. Только этимъ и можно объяснить явное противорѣчіе (между заявленіями и поступками) Грея. Вмѣшательство Англіи въ войну есть результатъ политики Грея".

Комитетъ Независимой Рабочей Партіи выпустилъ новое воззваніе съ критикой англійскаго правительства, которое гласитъ:

„Сказать, что англійская политика бѣла, а нѣмецкая черна, столь же неправильно, какъ сказать, что нѣмецкая политика правильна, а англійская никуда не годна. Даже если каждое слово Бѣлой Книги истинно, то и тогда нѣтъ для этого доказательствъ. Слѣдуетъ признать, что въ дни, предшествующіе непосредственно войнѣ, Грей работалъ въ пользу мира. Но было уже поздно; онъ самъ, вмѣстѣ съ другими дипломатами, въ теченіе многихъ лѣтъ выкапывалъ пропасть, неизбѣжный результатъ которой всякій истинно мудрый и государственный геній заранѣе предвидѣлъ бы и избѣжалъ. Ни сербскій и ни бельгійскій вопросъ ввергнулъ страну въ ужаснѣйшую борьбу. Великобританія борется не за угнетенныя націи или нейтралитетъ Бельгіи. Если бы

Францiя вторгнулась черезъ Бельгiю въ Германiю, развѣ кому-нибудь пришла бы мысль, что мы начали бы враждебныя дѣйствiя противъ Францiи? За спиной парламента и народа, Грей далъ Францiи тайное обѣщанiе, существованiе которого онъ отрицалъ. Теперь страна стоитъ передъ полной гибелью и желѣзной необходимостью войны. Договоры и соглашенiя принудили Францiю итти на поводу деспотической Россiи, а Англiю на буксирѣ Францiи. Но теперь все обнаруживается и тѣ, на кого падаетъ отвѣтственность, должны дать отчетъ. Англiя стала оплотомъ Россiи, самой реакцiонной, продажной и грубой державы въ Европѣ. Если позволить Россiи удовлетворить свои территорiальныя вожделѣнiя и расширить свою казацкую власть, тогда цивилизацiи и демократiи грозитъ опасность, и противъ этого Англiя подняла свой мечъ".

Слѣдуетъ также упомянуть, что наравнѣ съ другомъ Гладстона, Джономъ Морлеемъ, и внукомъ знаменитаго либеральнаго историка Маколея, Карломъ Тревелiаномъ, изъ министерства Асквита-Грея вышелъ, какъ противникъ войны также и бывшiй социалъ-демократъ и вождь рабочихъ, Джонсъ Бернсъ. Джонсъ Бернсъ, этотъ генiй рабочаго класса, ставъ министромъ, грубо разошелся со всѣми соцiалистическими партiями Англiи. Правда, онъ и утверждаетъ, что по своему образу мышленiя онъ остался тѣмъ же, чѣмъ былъ и раньше, и не порвалъ съ рабочимъ движенiемъ. Дѣйствительно онъ всегда былъ рѣзкимъ противникомъ имперiалистической политики. Его поведенiе въ данномъ случаѣ тѣмъ замѣчательнѣе, что, будучи въ послѣднее время министромъ торговли и промышленности, выходя изъ министерства, онъ лишался жалованiя въ сто тысячъ марокъ.

Критика политики Асквита-Грея у вышеотмѣченныхъ англiйскихъ соцiалистовъ соединялась съ еще болѣе рѣзкой критикой австро-германской политики, а у нѣкоторыхъ изъ нихъ, послѣ объявленiя войны, она была связана съ отказомъ въ военныхъ средствахъ. Такъ какъ въ Англiи еще не существуетъ всеобщей воинской повинности и она вынуждена формировать свое войско изъ добровольцевъ, то дѣло шло о вопросѣ, надо ли проводить въ жизнь опубликованное правительствомъ въ началѣ сентября приглашенiе образовать комитеты изъ всѣхъ партiй для систематической вербовки добровольцевъ. Комитетъ рабочей партiи рѣшилъ принять участiе въ этомъ и делегировалъ въ парламентскiй комитетъ, составленный изъ членовъ всѣхъ партiй, Гендерсона, Годстона и Паркера. На это онъ получилъ согласiе парламентскаго комитета конгресса англiйскихъ профессiональныхъ союзовъ, который въ особомъ манифестѣ приглашалъ своихъ членовъ посильно поддержать это движенiе.

Если наборъ добровольцевъ не удастся, говорилъ манифестъ, тогда усилится движеніе въ пользу введенія всеобщей воинской повинности въ Англіи, а этого нужно во что бы то ни стало избѣжать, такъ какъ эта система вредна какъ въ экономическомъ, такъ и въ соціальномъ отношеніи. Забота о сохраненіи демократіи, какъ лучшаго оплота и въ будущемъ противъ войны, а также отвращеніе къ военно-автократической системѣ достаточны для того, чтобы возбудить энтузіазмъ націи, при которомъ была бы немыслима всякая попытка навязать эту систему и тѣмъ странамъ, которыя свободны отъ нея.

Иную точку зрѣнія защищалъ Комитетъ Независимой Рабочей Партіи. Принципіально не возражая противъ воззванія записываться въ добровольцы, онъ рѣшительно высказался въ манифестѣ противъ того, чтобы члены ея партіи приняли участіе въ этомъ дѣлѣ совмѣстно съ членами другихъ партій. Въ немъ говорится:

„Если при настоящемъ положеніи надо дать совѣтъ рабочимъ, то мы предпочли бы дать имъ сами, съ нашей точки зрѣнія и въ соотвѣтствіи съ характеромъ и традиціями нашего движенія. Мы не хотимъ этого дѣлать, сотрудничать съ милитаристами и врагами труда, которые несомнѣнно воспользовались бы этимъ случаемъ, чтобы оправдать политику приведшую къ войнѣ, мы не хотимъ“.

Въ дальнѣйшемъ манифестъ рѣзко выступаетъ противъ всякаго давленія въ пользу записи въ армію. Называя этотъ способъ дѣйствія жалкимъ и недостойнымъ, онъ говоритъ:

„Если мы вообще рѣшительно боремся противъ всеобщей воинской повинности, то еще рѣшительнѣе надо бороться съ тѣми пріемами принужденія и мучительства молодыхъ людей, съ помощью которыхъ совершается вербовка въ армію“.

По словамъ одного сообщенія нѣмецкой газеты, вызвавшаго многочисленные комментаріи у соціалъ-демократіи. Независимая Рабочая Партія въ концѣ сентября созвала 250 собраній протеста противъ способа вербовки, которыя не могли состояться въ силу запрещенія ихъ правительствомъ. Послѣднее между прочимъ невѣрно. Такія собранія произошли и теперь происходятъ.

Въ общемъ положеніе дѣла было таково: въ началѣ у народа война была совершенно не популярна, но затѣмъ, съ теченіемъ времени, даже въ соціалистическихъ рабочихъ кругахъ Англіи на нее все болѣе и болѣе стали смотрѣть какъ на вопросъ жизни націи и европейской демократіи.

Выдающіеся вожди рабочей партіи предприняли цѣлый рядъ агитаціонныхъ поѣздокъ съ цѣлью агитаціи въ пользу записи въ добровольцы, причемъ войну характеризировали какъ необходимую борьбу съ нѣмецкимъ милитаризмомъ, являющимся опаснѣйшимъ врагомъ мира и согласія между націями. Также и Макдональдъ въ многочисленномъ собраніи въ Лейсестерѣ призывалъ своихъ избирателей къ записи въ армію.

7. СОЦІАЛИСТЫ РОССІИ и СЕРБІИ и ВОЙНА.

Обращаясь теперь къ странамъ Востока, охваченнымъ войной, мы видимъ, что также и въ Сербіи представители соціалъ-демократіи рѣзко критикуютъ прежде всего собственное правительство. Въ засѣданіи скупщины, собравшейся послѣ полученія австрійскаго ультиматума, депутатъ соціалъ-демократіи Лапшевичъ бросилъ упрекъ правительству въ томъ, что оно не сдѣлало всего, что было необходимо для избѣжанія войны. Своей политикой оно содѣйствовало разложенію балканскаго союза и изъ Сербіи сдѣлало орудіе для Россіи и Франціи, которыя имѣютъ въ виду только свои интересы, а не интересы Сербіи. Оно совершило проступокъ еще и тѣмъ, что терпѣла происки различныхъ тайныхъ комитетовъ, напр., комитеты черной руки и народной обороны (народна отбрана), которые вели страну къ войнѣ. Что вообще сказалъ Лапшевичъ—болгарская телеграфная агентура, которая передала эту часть его рѣчи, не сообщаетъ. Она сообщила только, что послѣ отвѣта министра президента Пашича, что подпольная работа является спеціальностью соціалистовъ, рѣзкое возраженіе Лапшевича вызвало бурную сцену въ палатѣ. Въ результатѣ всѣми голосами, кромѣ голосовъ Лапшевича и Кацлерониша, былъ принятъ адресъ правительству съ обѣщаніемъ полной поддержки его въ предстоящей войнѣ. Само собой разумѣется, что оба соціалиста своимъ голосованіемъ отнюдь не отказывались отъ защиты своей страны. Своей рѣзкой критикой они свидѣтельствовали лишь, что осуждаютъ всякую политику и агитацію, которая способна вызвать войну.

Также и въ Россіи соціалъ-демократическіе члены народнаго представительства имѣли мужество превратить дебаты и голосован е о войнѣ въ манифестацію воли къ миру соціалъ-демократіи. Въ засѣданіи Думы 8-го августа, въ которомъ обсуждались военные кредиты и резолюція довѣрія, отъ имени соціалъ-демократической фракціи членомъ Валентиномъ Хаустовымъ была прочитана слѣдующая декларація:

„Страшное, никогда небывалое несчастье свалилось на всѣ народы. Милліоны рабочихъ оторваны отъ труда, ввергнуты въ кровавую бойню; милліоны семей осуждены

на голодъ... Война вспыхнула. Когда европейскія правительства подготавливались къ войнѣ, европейскій пролетаріатъ во главѣ съ германскимъ протестовалъ противъ нея. Русскимъ рабочимъ, въ силу различныхъ, всѣмъ извѣстныхъ условій, нельзя было открыто протестовать противъ войны, однако, сердца русскихъ рабочихъ бьются въ унисонъ съ сердцами европейскаго пролетаріата.

Война есть результатъ политики имперіализма господствующихъ классовъ. Отвѣтственность падаетъ на правительства всѣхъ странъ, ведущихъ теперь войну. Пролетаріатъ—упорный защитникъ свободы и народныхъ интересовъ—всегда будетъ защищать культуру отъ всякаго нападенія. Сознательный пролетаріатъ странъ, ведущихъ войну, къ сожалѣнію, не могъ предотвратить ее.

Но мы глубоко убѣждены, что въ интернаціональной солидарности всѣхъ рабочихъ мы найдемъ средства въ ближайшемъ будущемъ положить конецъ войнѣ и ея ужасамъ. Пусть мирный договоръ будетъ заключенъ не дипломатами, а самими народами.

Кромѣ того, мы убѣждены, что война раскроетъ наконецъ широкимъ народнымъ массамъ всѣхъ странъ глаза на дѣйствительный источникъ господства и эксплоатаціи и что теперешній взрывъ варварства будетъ послѣднимъ".

Послѣ прочтенія этой деклараціи, соціалъ-демократы вмѣстѣ съ мелкобуржуазной демократической фракціей трудовиковъ покинули залъ. Въ виду выступленія Австріи противъ Сербіи и объявленія Германіей войны Россіи они не могли отклонить военные кредиты. Но и царскому правительству они не могли дать свидѣтельства, что оно невиновно въ войнѣ, и что ея балканская политика заслуживаетъ довѣрія у рабочаго класса. Такое мужественное поведеніе, ввиду необезпеченнаго правового положенія въ Россіи заслуживаетъ величайшаго признанія. Оставаясь послѣдовательными до конца, соціалъ-демократическіе члены Думы въ октябрѣ рѣшили отказать правительству въ требуемыхъ для продолженія войны кредитахъ въ размѣрѣ слѣдующихъ двухъ милліардовъ рублей.

Странную картину представляетъ позиція соціалистическихъ членовъ парламентовъ въ шести непосредственно участвующихъ въ войнѣ странахъ Европы. Въ Германіи, Франціи, Англіи и Бельгіи—словомъ, въ прогрессивнѣйшихъ западныхъ странахъ—соціалъ-демократическія фракціи голосуютъ единогласно, или съ незначительными исключеніями, за военные кредиты, въ отсталомъ же Востокѣ соціалисты законодательныхъ учрежденій отклоняютъ ихъ. Не являются ли они гораздо мужественнѣе, сильнѣе проникнуты идеа-

лизмомъ и вѣрностью своимъ убѣжденіямъ, чѣмъ ихъ коллеги въ западныхъ странахъ? Не преуменьшая значенія ихъ манифестацій, объясненія этого различія надо искать въ другой области, а не въ ихъ личныхъ качествахъ. Оно лежитъ въ размѣрахъ и вліяніи соціалистическихъ партій какъ той, такъ и другой стороны. На крупныя партіи или партіи съ большимъ парламентскимъ вліяніемъ при голосованіи играетъ громадную роль связанная съ этимъ вліяніемъ фактическая отвѣтственность. Онѣ не могутъ распоряжаться своимъ голосованіемъ для демонстративныхъ цѣлей такъ же свободно, какъ небольшія партіи, голосованіе которыхъ непосредственно не вліяетъ на теченіе событій. Въ этомъ заключается невыгодная сторона парламентскаго роста силы партій. Нужно съ этимъ примириться, если не хотятъ отказаться вообще отъ роста партіи. Обыкновенно величина всегда вредитъ эластичности во всѣхъ областяхъ. Такъ, повидимому, и въ данномъ случаѣ. Но было бы плохо, еслибъ для правила никогда не существовало исключенія.

8. РАБОЧІЯ ПАРТІИ НЕЙТРАЛЬНЫХЪ СТРАНЪ.

Однако, не всѣ русскіе соціалисты заняли ту же позицію, какъ соціалистическіе депутаты Думы. Мы знаемъ, напр., что революціонеры Бурцевъ и Петръ Крапоткинъ считали, что эту войну надо поддерживать всѣми средствами. Прежде чѣмъ мы займемся ими и ихъ аргументаціей, слѣдуетъ разсмотрѣть позицію соціалистовъ и рабочихъ партій европейскихъ нейтральныхъ странъ по отношенію къ воюющимъ державамъ.

Къ оффиціальной позиціи, занятой въ отношеніи войны соціалистическими партіями этихъ странъ вполнѣ примѣнимо слово, которое часто употребляютъ правительства въ отношеніяхъ другъ къ другу, когда послѣднія ни хороши и ни плохи, а именно слово „корректный“.

Поскольку рѣчь идетъ объ оффиціальномъ отношеніи ихъ партій, соціалисты Голландіи и Италіи, Скандинавскихъ странъ, Швейцаріи, Болгаріи, Румыніи, Соединенныхъ Штатовъ и республикъ Южной Америки не преминули посредствомъ своихъ партійныхъ правленій или нарочито собранныхъ конференцій высказаться за нейтралитетъ ихъ странъ. Они требовали отъ своихъ правительствъ строго нейтральнаго отношенія къ воюющимъ державамъ. Совершенно излишне передавать дословно эти постановленія. Всѣ они содержатъ заявленія о мирной политикѣ рабочаго класса, выраженія желанія уберечь собственную страну отъ войны и ея ужасовъ, завѣренія ненарушимой дружбы и солидарности съ рабочими того и другого враждующаго лагеря. Все это настолько

соотвѣтствуетъ традиціонному отношенію соціалъ-демократіи къ войнѣ и ея народной политикѣ, что говорить объ этомъ не приходится.

Но корректное отношеніе дѣло разсудка, а не чувства. Выступленіе соціалистовъ нейтральныхъ странъ за нейтралитетъ государства ничего еще не говоритъ объ ихъ оцѣнкѣ вспыхнувшей войны, а это не безразлично, такъ какъ повсюду могла возникнуть необходимость отступленія отъ нейтралитета. Мягкая или строгая оцѣнка партіями отказа своей страны отъ нейтралитета будетъ всегда зависѣть отъ ихъ мнѣнія о правотѣ и неправотѣ воюющихъ странъ и ихъ симпатій къ нимъ. Насколько считалось съ этимъ само нѣмецкое имперское правительство, явствуетъ изъ тѣхъ усилій, которыя оно прилагало въ теченіе войны убѣдить общественное мнѣніе за-границей въ правотѣ своего дѣла и неправотѣ противной стороны, усилій въ которыхъ не было недостатка и со стороны другихъ государствъ. Кто же при этомъ пользовался наибольшимъ успѣхомъ у рабочихъ партій, на чью сторону склонялись мнѣнія и симпатіи рабочей демократіи?

Безпристрастное изслѣдованіе приведетъ къ результату, что въ преобладающей части симпатіи рабочаго міра были не на сторонѣ двухъ среднеевропейскихъ державъ—Германіи и Австро-Венгріи. Еслибъ Россія и не стояла въ противномъ лагерѣ, то и тогда это отношеніе къ Германіи было бы не слишкомъ благопріятно. Даже и того, что Германія борется съ Россіей, еще недостаточно для Германской имперіи, не говоря уже объ Австріи—чтобы возбудить къ себѣ симпатіи рабочихъ партій за своими предѣлами. Рабочія партіи нейтральныхъ странъ, въ своемъ отношеніи къ государствамъ, разсматриваютъ войну между Германіей и Россіей съ чувствомъ Меркуціуса, для характеристики котораго да будетъ мнѣ позволено привести слова оригинала: „The plague on both your houses". Это, конечно, не имѣетъ ничего общаго съ „завистью къ мощи и богатству Германіи". Этотъ мотивъ никакой роли не играетъ въ національныхъ вопросахъ у рабочаго міра. Его нельзя свести также и къ національнымъ или расовымъ противорѣчіямъ. Ибо мнѣніе соціалъ-демократіи въ странахъ германскаго языка въ этомъ пунктѣ не особенно расходится съ мнѣніемъ соціалъ-демократіи романскихъ странъ.

Этого нельзя объяснить также и колоссальной ложью противной стороны. Когда я написалъ одному изъ вождей рабочей партіи нейтральной страны германской семьи народовъ, что нельзя судить о правотѣ или неправотѣ въ этой войнѣ на основаніи одностороннихъ сообщеній, я получилъ слѣдующій отвѣтъ: „Мы, нейтральные, судимъ не односторонне, напротивъ, такъ судите вы, участвующіе въ войнѣ". Еще рѣшительнѣе высказался другой выдающійся предста-

витель рабочаго движенія нейтральной страны, человѣкъ, также принадлежащій къ германскому племени. Когда зашла рѣчь о лживой телеграммѣ одной изъ воюющихъ странъ, онъ холодно замѣтилъ: „Мы читаемъ ложь и съ той и другой стороны, и только такимъ образомъ добираемся до истины“.

Мнѣніе рабочихъ партій нейтральныхъ странъ о войнѣ съ самаго начала опредѣлялось ихъ оцѣнкой поведенія державъ во время переговоровъ, предшествовавшихъ войнѣ. Если брюссельская интернаціональная конференція 29 іюля, какъ мы уже видѣли, была единодушна въ томъ, что слѣдуетъ рѣзко осудить упорное отклоненіе Австріей всякаго посредничества, а союзницу ея, Германію, сдѣлать отвѣтственной за поведеніе Австріи, вызвавшей войну, то могло ли существенно измѣниться ихъ мнѣніе, когда война дѣйствительно вспыхнула? То, что Жанъ Жоресъ высказалъ въ этомъ отношеніи въ „Humanite“ 29 іюля, лишь резюмировало единогласное мнѣніе соціалистовъ всей Европы. Этому содѣйствовало и то, что если Австрія стала по отношенію къ Сербіи нападающей стороной, то Германія сдѣлала неизбѣжной катастрофу тѣмъ, что чрезвычайно поспѣшно объявила войну Россіи и Франціи. Германское вторженіе въ Бельгію и способъ, какимъ послѣдняя была покорена, въ глазахъ соціалистическихъ партій переполнило чашу. Рабочая демократія по всему своему существу должна была встать на сторону слабаго, угнетаемаго сильнымъ, если только со стороны перваго не совершено очевиднаго правонарушенія. А то, что приводимыя Германіей основанія своего поспѣшнаго объявленія войны Россіи и Франціи не были убѣдительны для соціалистовъ другихъ странъ, вполнѣ объясняется основными воззрѣніями соціалистическаго міра. Болѣе серьезныя основанія, которыя побудили правительственные круги вступить въ войну съ Россіей, были бы поняты и оцѣнены рабочимъ Интернаціоналомъ только въ томъ случаѣ, если бы Германія прибѣгла къ недвусмысленному способу войны, т. е. еслибъ она, оставивъ сильный заслонъ на западѣ, всей тяжестью обрушилась бы на царскую имперію, написавъ на своемъ знамени освобожденіе отъ нея всѣхъ угнетенныхъ національностей. Такая позиція настолько соотвѣтствовала бы историческимъ тенденціямъ рабочей демократіи, что Германія завоевала бы ея полную симпатію. При безспорномъ миролюбивомъ настроеніи громаднаго большинства французскаго народа едва ли было бы мыслимо, что Франція въ этомъ случаѣ стала бы вести усиленное нападеніе на Германію. Судя же по настроенію, которое царило въ англійскомъ народѣ до начала войны, нельзя было бы сомнѣваться, что предложеніе правительства вмѣшаться въ войну въ качествѣ союзника Россіи имѣло бы слѣдствіемъ массовый выходъ изъ либеральной партіи и паденіе министерства Асквита-Грея.

Наоборотъ, если военно-стратегическія соображенія побудили Германію нанести первый ударъ на Западѣ, то, несомнѣнно, ей и самой было ясно, что этимъ она рискуетъ потерять симпатіи демократической Европы. Эта послѣдняя, несмотря на всѣ недостатки французской республики, снова вернула ей свои симпатіи, въ послѣднее же время демократія значительно усилилась, благодаря тому, что Франція снова вступила въ эру мирной реформаторской политики. Я не знаю, какого рода сообщенія посылались нѣмецкими посланниками въ Берлинъ о настроеніи верховъ общества. Но еслибъ эти господа хоть немного интересовались рабочей прессой, которая въ большинствѣ этихъ странъ кое-что и значитъ, они увидѣли бы, какъ сильны не только въ Италіи, французской Швейцаріи и валлонской Бельгіи, но также въ нѣмецкой Швейцаріи, фламандской Бельгіи, Голландіи и скандинавскихъ государствахъ симпатіи рабочихъ къ Маріаннѣ. Также и основанія, которыя Германія приводила въ оправданіе подавленія Бельгіи, не могли найти отзвука у рабочей демократіи, въ силу ея особой психики. Кто не признавалъ ихъ, тотъ естественно не могъ признать за Германіей и права необходимой обороны и репрессій по отношенію къ бельгійскимъ вольнымъ стрѣлкамъ и партизанамъ. Оффиціальное заявленіе Италіи и италіанской соціалъ-демократіи о нейтралитетѣ не помѣшало органу послѣдней, Аванти, издающемуся въ Римѣ, назвать кайзера Вильгельма 2-го современнымъ Атиллой, а нѣмецкихъ солдатъ современными гуннами. Не помѣшало это и соціалистическимъ газетамъ французской и нѣмецкой Швейцаріи, Голландіи и скандинавскихъ странъ помѣстить статьи, дышавшія глубокимъ негодованіемъ, правда, не противъ нѣмецкаго народа, но противъ оффиціальной Германіи. Уважаемые члены германской соціалъ-демократіи Рихардъ Фишеръ, П. Шейдеманъ, Зюдекумъ и другіе старались создать благопріятное настроеніе для Германіи среди соціалистовъ нейтральныхъ странъ. Но имъ не удалось разубѣдить ихъ въ томъ, что война, нанесшая и нейтральнымъ странамъ серьезный ущербъ, при доброй волѣ Германіи могла бы быть избѣгнута. Они не могли убѣдить ихъ также и въ томъ, что вторженіе въ Бельгію и подавленіе ея, связанное съ такими ужасными человѣческими жертвами и разрушеніемъ собственности, повелительно диктовались необходимостью.

Изъ всѣхъ непосредственно не участвовавшихъ въ войнѣ странъ Швеція, быть можетъ, единственная, въ силу своего географическаго положенія, всего больше должна была быть солидарна съ Германской имперіей; ея симпатіи къ нѣмецкому народу очень сильны. Но каково же было

мнѣніе соціалъ-демократіи Швеціи о вспыхнувшей войнѣ? Созванный 5 августа въ Стокгольмѣ конгрессъ шведской соціалъ-демократіи на второй день послѣ своего съѣзда выпустилъ манифестъ, въ которомъ выставляется энергичное требованіе нейтралитета, а о самой войнѣ говорится слѣдующее:

„Соціалъ-демократическая рабочая партіи Щвеція въ страшный часъ, когда Европа охвачена пожаромъ, присоединяетъ свой пламенный протестъ къ протесту своихъ братьевъ всего міра. Катастрофа постигла насъ, она была подготовлена экономическими интересами могущественныхъ круговъ. Она была вызвана и ускорена становившимся все нестерпимѣе военнымъ гнетомъ народовъ, необузданными націоналистическими настроеніями и дѣйствительными старыми и новыми національными правонарушеніями; эта катастрофа достигла колоссальныхъ размѣровъ, вслѣдствіе беззастѣнчивой и грубой великодержавной политикѣ въ рукахъ нѣкоторыхъ властителей. Тяжелая, страшно тяжелая отвѣтственность падаетъ на великодержавные круги, которые не остановились передъ колоссальнымъ преступленіемъ хладнокровно развязать фуріи войны и бросить ихъ на народы, жаждущіе мира. Въ эти кровавые дни данъ окончательный приговоръ системѣ вооруженій, тѣхъ вооруженій, о которыхъ всегда говорилось, что они должны обезпечить миръ, вооруженій, противъ которыхъ неустанно протестовала только одна единственная соціалъ-демократія всѣхъ странъ. Развѣ Европа не вооружалась до тѣхъ поръ, пока ежегодное бремя въ десять милліардовъ не стало душить народы? Но гдѣ же европейская безопасность? Соперничество въ вооруженіи привело лишь къ тому, что жертвы стали безчисленны, а устои всей нашей цивилизаціи подорваны больше, чѣмъ когда либо. Но за этой катастрофой послѣдуетъ часъ возмездія. Мирная сила интернаціональной соціалъ-демократіи, которая, къ сожалѣнію, была недостаточно сильна чтобы воспрепятствовать взрыву войны, будетъ безостановочно расти, какъ скоро минетъ военная гроза. Міровая война убѣдитъ народныя массы, что миръ народовъ никогда не достигается военными средствами. Утѣшеніемъ въ эти тяжелые, мрачные дни будетъ то, что нынѣшній тріумфъ милитаризма, величайшій тріумфъ, будетъ его лебединой пѣснью“.

Отсюда ясно, какъ мало совпадаетъ рѣшеніе остаться нейтральнымъ по отношенію къ борьбѣ міровыхъ державъ съ признаніемъ большаго или меньшаго права на войну одной изъ нихъ.

Однако не повсюду члены рабочаго движенія остановились только на выраженіи симпатій западнымъ державамъ.

Такъ, въ Италіи было довольно сильное теченіе, которое, вмѣсто нейтралитета, требовало прямой поддержки Франціи. Оно объясняется отчасти историческими традиціями Италіи, старой, еще живой въ народѣ, враждой къ Австріи, а также традиціонной, возвышающейся надъ всякими временными конфликтами, дружбой къ націи, которая первая подняла мечъ въ защиту Италіи. Но такъ же и здѣсь рѣшающимъ моментомъ были событія въ Бельгіи. Конечно, нѣкоторыя сообщенія итальянской прессы о нихъ были ужасно преувеличены. Но въ странѣ, въ которой привыкли къ кровавымъ дракамъ, такія событія воспринимаются только тогда безъ критики, когда умы уже соотвѣтственнымъ образомъ предрасположены къ нимъ. А это и было сдѣлано фактомъ занятія Бельгіи и способомъ, которымь было это проведено. Выше мы уже упомянули о статьяхъ и замѣткахъ Аванти противъ Германіи. Органъ итальянскаго союза профессіональныхъ союзовъ, Confederazione del Lavoro въ сентябрьскомъ номерѣ помѣстилъ слѣдующую статью:

„ТЕВТОНСКАЯ КУЛЬТУРА И ЦИВИЛИЗАЦІЯ.

Извѣстія, идущія изъ Бельгіи, интереснѣйшаго театра военныхъ дѣйствій, поражаютъ, трогаютъ и вызываютъ негодованіе. Рыцари тевтонской культуры и цивилизаціи совершаютъ отвратительнѣйшія гнусности, стоящія ниже самыхъ гнусныхъ и отталкивающихъ границъ дозволеннаго и недозволеннаго, вѣроятнаго и невѣроятнаго.

Нейтралитетъ, международное право и договоры самымъ циничнымъ и безсовѣстнымъ образомъ нарушаются и уничтожаются; толпы стариковъ, женщинъ, дѣтей гонятся штыками впереди нѣмецкихъ войскъ, чтобы, произведя на врага моральное давленіе, можно было безнаказанно сражаться; города сравниваются съ землей, произведенія искусства разрушаются, разбойническія контрибуціи налагаются на города, на задержанныхъ въ качествѣ заложниковъ гражданъ—все это великіе культурные акты, совершаемые въ Бельгіи тевтонскими вандалами, варварами и бандитами.

Было бы крайне полезно знать, что думаютъ, говорятъ и дѣлаютъ въ виду этихъ фактовъ германскіе соціалисты и члены профессіональныхъ союзовъ. Мы не можемъ допустить мысли объ ихъ согласіи, соучастіи и о добровольно взятой на себя отвѣтственности.

Эти отвратительные факты варварства, вандализма и бандитизма обнаруживаютъ то, что иронически можно назвать нѣмецкой культурой и цивилизаціей.

Долой такую культуру“.

Такія обвиненія не остались безъ отвѣта со стороны нѣмецкихъ соціалистовъ и членовъ профессіональныхъ союзовъ. Въ письмахъ и статьяхъ они увѣщевали находящихся на войнѣ соотечественниковъ не совершать подобныхъ варварствъ. Къ сожалѣнію, такія увѣщеванія и совѣты не имѣли большого вліянія. Личныя объясненія извѣстныхъ представителей австрійской и германской соціалъ-демократіи съ вождями итальянской соціалъ-демократіи содѣйствовали тому, что итальянская соціалъ-демократія въ октябрѣ потребовала отъ своего правительства болѣе строгаго, чѣмъ раньше нейтралитета. Это относится однако къ оффиціальному поведенію государства, на какую же сторону склонялись симпатіи, вывести отсюда нельзя.[1])

Какія бы ни были недостатки у современной Германіи нужно думать, что въ сравненіи съ царской Россіей въ глазахъ демократіи она все же должна казаться бѣлой, какъ снѣгъ.

---

[1]) Предсѣдатель нѣмецкаго союза строительныхъ рабочикъ, Августъ Виннигъ, въ отвѣтъ на свое письмо предсѣдателю такого же итальянскаго союза, Ф. Кваглино, въ которомъ онъ протестовалъ противъ вышенапечатанной статьи, получилъ длинное письмо, въ которомъ говорится:

„Товарищи „Confederazione" не имѣли ни малѣйшаго представленія о томъ, что протестуя противъ жестокостей нѣмецкаго милитаризма въ Бельгіи и выражая желаніе знать мнѣніе нѣмецкихъ товарищей объ этихъ событіяхъ, они причинятъ вамъ непріятность. Совершенно инымъ было наше поведеніе, когда наше правительство предприняло походъ въ Либію. Хотя дѣло шло о народахъ болѣе низшей культуры, мы не преминули самымъ рѣшительнымъ образомъ протестовать противъ нарушенія международнаго права, въ полной увѣренности, что элементарная обязанность всякаго быть приверженцемъ гуманитарныхъ идей.

Тогда иностранная пресса заклеймила итальянцевъ именемъ бандитовъ и варваровъ. Но мы не возмущались этимъ, зная, что нельзя возлагать на народъ отвѣтственность за поступки его правительства. Еслибъ это было иначе, тогда мнѣ было бы непонятно, почему въ мирное время мы должны бороться съ буржуазіей, войной и милитаризмомъ.

Я не считаю нужнымъ обсуждать причины и характеръ настоящей войны. Я только скажу тебѣ, что въ Италіи нѣтъ такого члена партіи, который вѣрилъ бы въ оборонительный характеръ войны двухъ средне-европейскихъ державъ. Доказательствомъ этого можетъ служить то, что, еслибъ Германія и Австрія были стороной, на которую сдѣлано нападеніе, Италія, въ силу союзнаго договора, не отказалась бы встать на сторону своихъ союзниковъ.

Но даже допуская, что вы добросовѣстно вѣрите въ оборонительный характеръ вашей войны, я все же не понимаю, какъ можете вы оправдывать нарушеніе нейтралитета Бельгіи; это было бы нелѣпо для того, кто хочетъ только защищаться.

Я не знаю, будетъ ли возможно послѣ войны возстановить добрыя отношенія. Но хорошо и то, что вы уже теперь знаете, что въ Италіи нѣтъ ни одного члена во фракціяхъ народныхъ партій, который одобрилъ бы поведеніе германской соціалъ-демократіи и германскаго пролетаріата въ этомъ дѣлѣ".

Но на самомъ дѣлѣ это иначе, нежели склонны думать у насъ. Безпристрастные, чуждые предразсудковъ и враждебнаго чувства къ Германіи соціалисты и демократы видятъ не въ Россіи, а въ современной Германіи опаснѣйшаго врага покоя и мирнаго развитія Европы. Они не отрицаютъ того, что Россія очень отсталая страна сравнительно съ Германіей, что ея правительственная система построена на насиліи, что ея управленіе значительно хуже, а ея культура ничтожна.

Но все это не опровергаетъ факта, говорятъ они, что Россія менѣе имперіалистична, чѣмъ Германія, что русскій умъ не столь воинственъ, какъ германскій и что не Россія, а Германія виновница всеобщаго вооруженія. Всякій, кто хотя немного знакомъ съ иностранной прессой не будетъ отрицать, что настоящая война дала новую пищу для подобнаго мнѣнія внѣ Германіи. Манифестаціи нѣмецкихъ ученыхъ, въ которыхъ они самодовольно выставляютъ себя единственными стражами культуры, еще болѣе содѣйствовали усиленію его. Въ глазахъ за-границы это было новымъ доказательствомъ того, какъ сильно они сами находятся во власти чаръ воинствующаго милитаризма. Трактаты и всякаго рода статьи, лишенныя минимума объективности, не особенно пригодны, чтобы поддержать высокое мнѣніе о нѣмецкой культурѣ и безпристрастіи нѣмецкихъ ученыхъ.

Въ широкихъ кругахъ интернаціональной рабочей демократіи культурнаго міра—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія—современная Россія кажется меньшимъ зломъ, чѣмъ Германія, нѣмецкій же милитаризмъ разсматривается какъ врагъ, съ которымъ слѣдуетъ прежде всего бороться. Ясно, какъ ошибоченъ такой взглядъ. Пусть нѣмецкій милитаризмъ съ точки зрѣнія миролюбивой демократіи дѣйствительно хуже, какъ глубоко укоренившійся въ сознаніи массъ, все же безспорно, что конецъ ему наступитъ не ранѣе конца русскаго милитаризма, въ реальномъ существованіи котораго онъ черпаетъ право на свое существованіе и оправданіе. Но здѣсь дѣло идетъ не о правильности взгляда, а о его распространенности, а послѣдняя довольно значительна. Хотя и невысказываемый открыто, онъ пропитываетъ многія статьи соціалистической и демократической прессы нейтральныхъ странъ. Болѣе опредѣленное выраженіе дали ему соціалисты странъ воюющихъ съ Германіей, напр., во Франціи, уважаемый Э. Вальянъ, который былъ до возникновенія войны однимъ изъ самыхъ пламенныхъ борцовъ за нѣмецко-французское сближеніе. Разочарованіе въ поведеніи Германіи сдѣлало его защитникомъ войны съ Германіей до побѣднаго конца; а онъ вѣдь провелъ свои юношескіе годы въ Германіи, завязалъ

тамъ дружественныя сношенія, и еще 2 августа въ парламентской фракціи соціалъ-демократіи жарко выступалъ за отклоненіе военныхъ кредитовъ.

Война должна продолжаться до тѣхъ поръ—теперь писалъ онъ въ „Humanite"—пока не будетъ уничтоженъ нѣмецкій милитаризмъ. Въ Англіи эту же идею, какъ было уже сказано ранѣе, защищалъ Н. М. Гайдманъ и даже создалъ тамъ цѣлую школу. Робертъ Блечфордъ, авторъ „Веселой Англіи", Н. Г. Уэльсъ, извѣстный авторъ соціалистическихъ романовъ, а также и другіе, проповѣдуютъ ее англійской и американской публикѣ. Къ защитникамъ ея принадлежатъ многіе соціалисты и революціонеры.

Во главѣ ихъ, какъ было упомянуто въ началѣ этой главы, стоятъ Владиміръ Бурцевъ и Петръ Крапоткинъ, къ которымъ въ концѣ концовъ присоединился также и выдающійся теоретикъ марксизма въ Россіи Георгій Плехановъ. Первый, издававшій въ Парижѣ журналъ соціалистовъ-революціонеровъ, поставилъ себѣ главной задачей разоблаченіе тайной полиціи. Въ началѣ войны онъ отправился въ Россію, чтобы протянуть, какъ онъ сказалъ газетному интервьюеру, руку русскому правительству и содѣйствовать тому, „чтобы война стала дѣломъ всей націи". Если вѣрить газетному сообщенію, онъ поплатился за это тюремнымъ заключеніемъ. Впрочемъ, едва ли онъ сильно пострадаетъ; какъ политическій дѣятель онъ не представляетъ особеннаго значенія. Большимъ значеніемъ пользуется его соотечественникъ, Петръ Крапоткинъ, во всякомъ случаѣ, выдающаяся личность, какъ ученый и какъ анархистъ, давшій замѣчательно цѣнное научное обоснованіе анархизму. Будучи, какъ анархистъ, заклятымъ врагомъ милитаризма, въ его нѣмецкой разновидности онъ видитъ главное несчастіе для культурнаго міра. Въ открытомъ письмѣ къ шведскому соціалисту Густаву Стеффену онъ заявляетъ, что „важнѣйшая обязанность европейскаго пролетаріата заключается въ томъ, чтобы уничтожить нѣмецкій имперіализмъ и положить предѣлъ его проникновенію въ западную Европу. Побѣда нѣмецкаго оружія была бы для всей Европы жесточайшей реакціей на цѣлое столѣтіе. Напротивъ, свободной Европѣ нечего бояться Россіи, такъ какъ въ ней имѣется сильное освободительное движеніе, въ программѣ котораго, наряду съ другими требованіями, стоитъ и требованіе автономіи національностей, и эти требованія, конечно, осуществятся. Въ противномъ случаѣ, съ Россіей придется также бороться, какъ въ настоящее время свободолюбивая Европа готова бороться съ Германіей. Эта борьба является главнымъ дѣломъ настоящаго времени. Что война наступитъ, онъ, Крапоткинъ, предвидѣлъ и поэтому совѣто-

валъ въ прошломъ году своимъ французскимъ товарищамъ прекратить борьбу противъ трехлѣтней военной службы.

У Стеффена Крапоткинъ не нашелъ отклика, такъ же, какъ не имѣлъ успѣха голландскій революціонный синдикалистъ Корнелиссенъ, пытавшійся съ тѣми же аргументами вести въ Голландіи пропаганду выступленія противъ Германіи. Но совсѣмъ безплодной она не осталась. Въ менѣе ясной формѣ она овладѣла умами многихъ. Люди вообще склонны воспринимать ближайшее и наиболѣе доступное пониманію. А нѣмецкій милитаризмъ европейскому культурному міру яснѣе, чѣмъ русскій милитаризмъ, развивающійся гдѣ-то на заднемъ планѣ. Послѣдній давитъ ихъ не такъ замѣтно, а потому и не такъ раздражаетъ ихъ. Проявленіе же другого для нихъ осязательно. Онъ сильно даетъ себя чувствовать демократіи, такъ что она хотя говоритъ себѣ, что въ немъ заключается что-то великое, но все же дѣлаетъ выводъ: что съ нимъ тѣмъ болѣе слѣдуетъ бороться.

9. ВИДЫ НА БУДУЩЕЕ.

Если неизбѣжнымъ слѣдствіемъ европейской войны былъ разрывъ на нѣкоторое время прямыхъ сношеній въ соціалистическомъ Интернаціоналѣ, внесеніе въ него извѣстнаго замѣшательства, недоразумѣній между отдѣльными частями его, а въ силу этого и недовольства, то теперь, когда я пишу эти строки, отношенія стали значительно яснѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и лучше.

Съ одной стороны, если въ рядахъ соціалистовъ однѣхъ странъ не во всѣхъ пунктахъ царитъ полное согласіе по вопросу о томъ, какую позицію должна занять въ этой войнѣ партія, то съ другой стороны и за предѣлами ихъ нѣтъ полнаго согласія въ вопросѣ, правильно ли поступали соціалисты каждой страны въ отношеніи ея. Одинаковыя дѣйствія вообще мыслимы только абстрактно, конкретными дѣйствіями руководятъ и управляютъ не одинаковые принципы. При разнородности общественныхъ отношеній, также какъ и при различной оцѣнкѣ ихъ, нельзя ожидать, ни требовать однородности въ дѣйствіяхъ.

Такъ какъ среди соціалистовъ внѣ Германіи и Австріи почти безъ исключенія господствуетъ мнѣніе, что Германія въ союзѣ съ Австріей начали войну безъ достаточнаго для этого основанія, то одобреніе нѣмецкой соціалъ-демократіей военныхъ кредитовъ было встрѣчено рабочимъ Интернаціоналомъ сначала съ негодованіемъ и только послѣ того, какъ выяснилось, при какихъ обстоятельствахъ послѣдовало это голосованіе, основаній для упрековъ по адресу германской соціалъ-демократіи стало меньше. Нельзя требовать отъ соці-

алистовъ страны, вовлеченной въ войну, чтобы они, какъ скоро война стала фактомъ, отказали въ военныхъ средствахъ и уклонились отъ участія въ защитѣ своего отечества. Также никто не дѣлаетъ упрека соціалистамъ странъ, куда уже вторгнулся врагъ, за то, что они вступаютъ въ министерство національной обороны.

Иное отношеніе и ожидается и требуется только въ томъ случаѣ, если одной изъ воюющихъ державъ, или нѣсколькими державами, война превращается въ завоевательную или поработительную. Если предполагается побѣда этихъ державъ, тогда требуется, чтобы соціалисты означенныхъ странъ высказались за право самоопредѣленія націй и за почетныя условія мира. Такъ впрочемъ и поступила фракція нѣмецкой социалъ-демократии въ вышенапечатанной декларации при одобреніи военныхъ кредитовъ.

Исполнительный комитетъ французской и бельгійской соціалъ-демократіи въ сентябрѣ опубликовалъ манифестъ къ нѣмцамъ, въ которомъ онъ изложилъ факты, доказывающіе, по его мнѣнію, правоту ихъ странъ и неправоту Германіи. Такъ какъ по первымъ дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ казалось, что бельгійцы подписали манифестъ въ качествѣ Исполнительнаго Комитета Интернаціональнаго Соціалистическаго Бюро, правленіе германской соціалъ-демократіи выпустило заявленіе, въ которомъ оно отвергло его, какъ превышеніе полномочій Комитета. Ссылаясь на военное положеніе, не позволяющее свободно высказаться, оно отказалось вести полемику по поводу содержанія манифеста. Объ отказѣ отъ Интернаціонала, какъ немедленно съ тріумфомъ доложили буржуазныя газеты, въ заявленіи не было ни слова. Его намѣренія имѣли скорѣе цѣлью сохранить условія, при которыхъ Рабочій Интернаціоналъ могъ бы имѣть для всѣхъ авторитетное Бюро. Такъ было понято и другой стороной, какъ только выяснилось положеніе дѣла. Бельгійскіе соціалисты, странѣ которыхъ война нанесла самыя тяжелыя раны, устами Э. Вандервельде признали, что парламентской фракціи германской соціалъ-демократіи нельзя сдѣлать упрека за ея голосованіе 4 августа; она добросовѣстно поступала въ виду грозившей Германіи со стороны Россіи опасности и какъ того требовали интересы ихъ страны. Имѣется достаточное количество примѣровъ, говорящихъ за то, что какъ на той, такъ и другой сторонѣ существуетъ сильное желаніе устранить все, что могло бы повредить возстановленію Интернаціонала.

Дѣло не остановилось на голыхъ заявленіяхъ желанія взаимно столковаться. Соціалисты нейтральныхъ странъ уже въ началѣ осени старались возстановить по возможности связи, разорванныя войной въ началѣ августа. Конференція швейцарскихъ и итальянскихъ соціалистовъ въ Лугано и

обсужденіе скандинавскими соціалистами назрѣвшихъ въ этой ситуаціи потребностей для интернаціональнаго рабочаго міра положили начало сближенію, и съ согласія всѣхъ участвовавшихъ мѣстопребываніемъ интернаціональнаго соціалистическаго бюро на время войны была выбрана Голландія, а голландскимъ соціалъ-демократамъ поручено было пополненіе его исполнительнаго комитета. Такимъ образомъ, Рабочій Интернаціоналъ снова имѣетъ нейтральное центральное учрежденіе, которое должно прежде всего быть орудіемъ разрѣшенія возникающихъ разногласій, устраненія недоразумѣній, ему при дальнѣйшемъ теченіи войны легко можетъ выпасть громадной важности задача. Уже его одно существованіе съ этой точки зрѣнія есть фактъ, достойный привѣтствія. Ибо можетъ наступить такой моментъ, когда правительствамъ будетъ очень пріятно, что въ Европѣ существуетъ интернаціональный институтъ, стоящій внѣ всякаго подозрѣнія въ желаніи служить интересамъ одной или нѣсколькихъ державъ и не связанный никакимъ этикетомъ при произнесеніи спасительнаго слова, возвѣщеніе котораго при другихъ условіяхъ при нынѣшнемъ пониманіи національной чести и суверенитета поставило бы каждое правительство въ невыгодное положеніе. Созданіемъ такого бюро соціалистическій міръ показалъ властителямъ земли то, что они сами должны были бы создать. А тотъ фактъ, что онъ такъ рано занялся возстан вленіемъ интернаціонала, дастъ всѣмъ тѣмъ приверженцамъ и друзьямъ идеи мирнаго союза націй, которымъ въ роковые августовскіе дни 1914 г. слышался погребальный звонъ по Рабочему Интернаціоналу, новую увѣренность въ неистребимой жизненной и творческой силѣ этого истиннаго хранителя идеи человѣчества.

ДОПОЛНЕНІЕ.

Послѣ того, какъ была закончена вышенапечатанная статья, соціалъ-демократическая фракція рейхстага 2-го декабря вновь вотировала требуемые рейхсканцлеромъ военные кредиты въ размѣрѣ новыхъ 5-ти милліардовъ марокъ при слѣдующей деклараціи, прочитанной предсѣдателемъ фракціи, Гуго Гаазе:

„Въ связи съ разъясненіями, сдѣланными г. рейхсканцлеромъ о Бельгіи, отъ имени моей фракціи я устанавливаю, что ставшіе извѣстными затѣмъ факты, по нашему убѣжденію, недостаточны, чтобы покинуть точку зрѣнія, которой держался г. рейхсканцлеръ 4 августа по отношенію къ Люксембургу и Бельгіи. По порученію соціалъ-демократической фракціи я долженъ сдѣлать слѣдующее заявленіе:

Соціалъ-демократическая фракція стоитъ на точкѣ зрѣнія ея деклараціи 4-го августа. До послѣдняго момента мы

боролись съ войной, порожденной экономическими противорѣчіями. Но границы нашей страны все еще угрожаемы враждебными войсками. Поэтому нѣмецкій народъ и нынѣ долженъ приложить всѣ силы для охраны ея.

Поэтому соціалъ-демократія вотируетъ требуемые новые кредиты.

Съ благодарностью вспоминаемъ [illegible] всѣхъ храбрыхъ сыновъ народа, отдавшихъ ж[illegible], и здоровье за насъ, а также и тѣхъ, кто при невѣроя[illegible]ыхъ лишеніяхъ и трудахъ стоитъ и служитъ отечеству.

Уже 4-го августа въ согласіи съ Интернаціоналомъ мы возвѣстили принципъ, что каждый народъ имѣетъ право на національную самостоятельность. Мы глубоко и твердо убѣждены, что успѣшное дальнѣйшее развитіе народовъ возможно только тогда, когда каждая нація откажется отъ посягательства на цѣльность и независимость другихъ націй, чтобы не дать повода для новыхъ войнъ.

Поэтому, мы остаемся при сказанномъ нами 4-го августа: „Мы требуемъ, чтобы войнѣ былъ положенъ конецъ, какъ скоро цѣли безопасности будутъ достигнуты и какъ скоро противникъ будетъ склоненъ къ миру, который сдѣлаетъ возможнымъ дружбу съ сосѣдними народами.

Соціалъ-демократія осуждаетъ то, что во всѣхъ странахъ небольшіе, но дѣятельные круги, прикрываясь любовью къ отечеству, возбуждаютъ всѣми средствами ненависть противъ другихъ народовъ, не считаясь при этомъ съ истиной и достоинствомъ.

Пока тянется война, необходимо неустанно работать, чтобы смягчить созданныя ею страданія и нужду тѣхъ, кто въ походѣ потерялъ свое здоровье, позаботиться о родственникахъ и вообще объ оставшихся послѣ убитыхъ, а также бѣженцахъ; создать для ставшихъ безработными товарищей возможность найти заработокъ, оказать помощь, необходимую для сохраненія народной силы и организовать народное продовольствіе.

Инаціатива соціальныхъ мѣропріятій этого рода со стороны нашей партіи и профессіональныхъ союзовъ пала на плодородную почву, однако по нашему убѣжденію еще многое должно быть сдѣлано въ этихъ областяхъ.

Мы ожидаемъ отъ имперскаго правительства довѣрія къ нашему народу, единодушно борющемуся за свое отечество. Расширеніе военнаго положенія и ограниченіе конституціонныхъ правъ, напр., прессы, въ настоящее время ничѣмъ не оправдывается и способно

лишь пробудить сомнѣніе въ зрѣлости и рѣшимости народа. Пользованіе цензурой всегда ведетъ къ злоупотребленіямъ и причиняетъ экономическій вредъ. Мы требуемъ скорѣйшей отмѣны ея въ интересахъ дружной защиты, уваженія и благосостоянія германскаго государства".

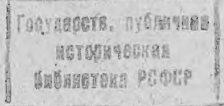
Въ отношеніяхъ партій рабочаго интернаціонала эта декларація ничего не измѣняетъ. Она инымъ можетъ показаться слишкомъ академичной въ той части, въ которой выражено требованіе мира, въ ней не найдутъ также критики способа веденія войны.. Но взятая, какъ декларація, она не погрѣшаетъ противъ принциповъ Рабочаго Интернаціонала и не даетъ повода для протеста иностранныхъ соціалистовъ.

Предложенная скандинавскими соціалистами и одобренная соціалистами другихъ странъ интернаціональная конференція, которая должна была собраться въ Копенгагенѣ 6-го и 7-го декабря, по желанію соціалистической партіи Соединенныхъ Штатовъ Америки отложена на середину января 1915 г., чтобы делегаты этой партіи могли принять въ ней участіе. Послѣднее тѣмъ желательнѣе, что французскіе соціалисты относились къ конференціи съ нѣкоторымъ недовѣріемъ. Въ настоящее время они враги мирныхъ шаговъ, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, при настоящемъ положеніи войны миръ былъ бы выгоденъ только Германіи и Австро-Венгріи, а ихъ лишилъ бы вѣроятной побѣды. Только рѣшительное пораженіе обѣихъ среднеевропейскихъ державъ можетъ, по ихъ мнѣнію, обезпечить демократіи прочный и солидный миръ. Ходъ ихъ мысли прекрасно иллюстрируется слѣдующимъ мѣстомъ изъ статьи Э. Вальяна, помѣщенной въ Humanite 15 ноября 1914 г.: „Конечно, если бы мы хотѣли разсматривать резолюціи конгрессовъ формально и измѣнить соціалистическому духу ихъ, тогда мы забыли бы преступленіе имперіалистскаго нападенія, преступленіе завоевательной войны, нѣмецкое вторженіе съ его безчисленными жертвами, должны были бы не уважать даннаго слова, покинуть союзниковъ, вести сепаратные переговоры, признать себя побѣжденными, не будучи таковыми, согласиться на милость и господство германскаго кайзера—о, тогда мы получили бы отъ него перемиріе, миръ и благодарность. Но тогда, зачѣмъ боролась Бельгія? Зачѣмъ Франція отбросила врага, а не открыла ему свободный доступъ къ своимъ крѣпостямъ и гаванямъ и не открыла дверей Парижа? Зачѣмъ пали герои? Зачѣмъ борются народы Франціи, Бельгіи, Англіи, Сербіи за свободу народовъ—развѣ не для побѣды надъ германскимъ имперіализмомъ и созданія въ освобожденной отъ него Европѣ условій прочнаго и продолжительнаго мира,

требуемаго соціализмомъ, мира, который завоевывается и строится на независимости и единеніи демократическихъ націй?“.

Критика этого хода мыслей излишня. Мы думаемъ, что выше нами уже была показана лежащая въ основѣ его ошибка, мы отмѣчаемъ это только какъ подтвержденіе одного обстоятельства, что при перечисленіи націй, Вальяномъ совершенно обойдена Россія, упоминаніе о которой сдѣлало бы невозможнымъ его заключеніе.

Пораженіе Германіи, хотя и означало бы побѣду Россіи, все же не можетъ положить конецъ имперіалистическому милитаризму, тогда какъ пораженіе Россіи это обѣщаетъ. Какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ, можно говорить объ антиноміи нынѣшней войны. Повсюду она вызываетъ противорѣчивыя явленія. Къ нимъ принадлежитъ также поистинѣ трагическая смерть сербскаго соціалдемократа Дмитрія Туцовича, редактора научнаго органа сербской соціалдемократіи. На страницахъ своего органа онъ боролся противъ панславистской великосербской агитаціи и ея военной политики, выступая страстнымъ защитникомъ мирнаго разрѣшенія конфликта съ Австріей и истинно демократическаго союза балканскихъ народовъ. Но вотъ наступила война и этотъ даровитый человѣкъ, какъ военнообязанный, исполнилъ свой долгъ. 20-го ноября въ сраженіи при Лазаревацъ-Міоника онъ палъ жертвой австрійской гранаты. Смерть нѣмецкаго соціалдемократа Людвига Франка и еще болѣе потрясающая смерть этого сербскаго соціалиста являются символомъ логическихъ и практическихъ противорѣчій, которыя принесла съ собой нынѣшняя война Рабочему Интернаціоналу.



ЦѢНА 4 Р. 50 КОП.

Екатеринославское Книгоиздательство „НАУКА".

ЗАКАНЧИВАЮТСЯ ПЕЧАТАНІЕМЪ И НА ДНЯХЪ ВЫЙДУТЪ ВЪ СВѢТЪ:

Каутскій. Самоопредѣленіе національностей.

„ Сербія и Бельгія.

Проф. А. М. Ладыженскій. Причины и результаты войны.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

Карлъ Каутскій. Диктатура Пролетаріата.

Д-ръ Зильберштейнъ. Профессіональныя болѣзни рабочихъ печатнаго дѣла.

Ю. С. Новаковскій. Аграрный вопросъ (на еврейск. яз.).

Ребъ-Мордхеле (Х. Чемеринскій). Басни (на евр. яз.).

„Полтава" Пушкина, со вступит. статьей магистранта Кіевскаго Университета Б. Неймана.

Адресъ книгоиздательства: Екатеринославъ, Воскресенская 15.

Типо-Литографія „Культура", Воскресенская 15. Тел. 9—51.
1919.